

РИК РИОРДАН

КАНУС ЧЕЙЗ

И БОГИ АСТАРДА

МЕЧ ЛЕТА

Рик Риордан. Магнус Чейз (другое оформление)

Рик Риордан

**Магнус Чейз и боги
Асгарда. Меч Лета**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Риордан Р.

Магнус Чейз и боги Асгарда. Меч Лета / Р. Риордан — «Эксмо»,
2015 — (Рик Риордан. Магнус Чейз (другое оформление))

ISBN 978-5-04-151029-9

В день, когда ему исполнилось шестнадцать, Магнус Чейз узнал о себе кое-что неожиданное. Оказалось, он имеет право на наследство одного из скандинавских богов и может достать со дна покрытой льдом реки Чарльз древний меч. Магнус протянул руку – и призвал чудесное оружие. Меч оказался искореженной и покрытой ракушками железякой. А вот огненный великан, пожелавший завладеть им, выглядел очень внушительно. Магнус вступил с чудовищем в бой – и погиб. Именно так начались его невероятные приключения...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-151029-9

© Риордан Р., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1. Доброе утро! А теперь готовься к смерти	6
Глава 2. Чувак в бронзовом лифчике	10
Глава 3. Дядюшка с причудами предлагает вас подбросить? Не соглашайтесь!	14
Глава 4. Нет, серьёзно, этому типу не место за рулём	17
Глава 5. Всегда мечтал взорвать мост	21
Глава 6. Дорогу утятам! Или получите утятами по башке	25
Глава 7. Без носа очень даже неплохо, честно	28
Глава 8. Мертвецкий сон, или Берегись косматого мужика с топором!	31
Глава 9. Ключ от мини-бара? Дайте два!	35
Глава 10. А мой люкс вполне ничего!	37
Глава 11. Приятно познакомиться. Придушу-ка я тебя по такому случаю	43
Глава 12. Ладно хоть к козе не приставили	47
Глава 13. Злополучный конец Фила-картошки	51
Глава 14. Здесь четыре миллиона каналов. А работает одно Валькир-ТВ	55
Глава 15. Фейковая киношка с моим участием имеет бешеный успех	58
Глава 16. Норны. Ну почему норны?!	61
Глава 17. Я бицепсы не заказывал!	64
Глава 18. Я вступаю в смертельную схватку с яичницей	68
Глава 19. И не смейте звать меня Бобом Печёным. Никогда, ясно?!	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Рик Риордан

Меч Лета

Кассандре Клэр

Спасибо, что поделилась роскошным именем Магнус

Rick Riordan

MAGNUS CHASE AND THE GODS OF ASGARD THE SWORD OF SUMMER

Copyright © 2015 by Rick Riordan All rights reserved Permission for this edition was arranged through the Gallt and Zacker Literary Agency LLC

Artwork © Rhett Podersoo, 2015

Published by arrangement with Random House Children's Publishers UK, a division of The Random House Group Limited.

© Аллунан Н., Сагалова А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Доброе утро! А теперь готовься к смерти

АГА, ИМЕННО ТАК. Сейчас, ребята, вы прочтёте о том, как я умер в корчах. Вы восхититесь и скажете: «Вот это круто, Магнус! А как бы и нам умереть в корчах?»

Никак. Даже не мечтайте.

Не прыгайте с крыш. Не кидайтесь на шоссе перед идущим транспортом. Не поджигайте себя. Потому что так это не работает. Не попадёте вы туда, куда попал я.

Кроме того, уж поверьте, вам оно и даром не надо. Если, конечно, вы не фанаты зомби-недобитков, крошащих друг друга в капусту, летучих мечей, отсекающих носы великанам, и тёмных эльфов-супермодников. Не ищите дверей с волчьими головами – мой вам совет.

Меня зовут Магнус Чейз. Мне шестнадцать лет. И это история о том, как моя жизнь пошла под откос, стоило мне умереть.

В тот день, казалось бы, ничто не предвещало беды. Я спал под мостом в Общественном саду, как вдруг меня разбудили лёгким пинком:

– Тебя ищут.

Кстати, если что – я бездомный. Вот уже два года.

Кто-то из вас тут же всплеснёт руками: «Ах, какая жалость!» А кто-то посмеётся: «Ха-ха, ну и лох!» Но если бы мы с вами встретились на улице, девяносто девять процентов из вас просто прошли бы мимо, словно я невидимка. И ещё молились бы про себя: «Ой, лишь бы денег не начал кланчить!» Или задались бы вопросом, сколько мне лет. Наверняка решили бы, что это я только с виду совсем пацан. Потому что подросток в вонючем спальном мешке посреди бостонской зимы – ну сами посудите: как такое может быть?! «Кто-то же должен позаботиться о бедняжке!» – подумаете вы.

И пройдёте мимо.

Ну и ладно. Мне ваша жалость не больно-то и нужна. Я привык, что надо мной смеются. И тем более привык, что меня не замечают. Короче, проехали.

Того бомжа, что меня растормошил, зовут Блитц. И как обычно, выглядел он так, словно побывал под ураганом грязи. В жёсткие чёрные волосы набилось разных бумажек и веток. Лицо цвета седельной кожи всё испещрено ледяными точками. Борода курчавилась во все стороны. Росту в Блице всего-то футов пять¹, поэтому его шинель волочилась по земле, собирая весь снег, и на её полах уже намёрзла корка льда. Блиц так таранился, что расширенные зрачки затемняли радужку. И вообще вид у него всегда взбудораженный – кажется, вот-вот заголосит во всё горло.

Я с трудом разлепил веки. Во рту стоял привкус, как от вчерашнего гамбургера. В спальнике было тепло, и вылезать оттуда совсем не хотелось.

– Кто меня ищет?

– Точно не скажу. – Блитц почесал нос, сломанный когда-то столько раз, что формой он смахивал на молнию или кривые ступеньки. – Там флаеры раздают с твоим портретом и именем.

Я ругнулся. Забреди сюда полицейский или смотритель парка – это бы я пережил. Инспекторы по делам несовершеннолетних, волонтеры из соцопеки, пьяные студенты и наркушники, которым только дай поизмываться над кем-нибудь маленьким и беззащитным – это для меня такой же повод проснуться, как блинчики с соком в постель. То есть никакой.

Но если кто-то знает меня по имени и в лицо – дело плохо. Это значит, кто-то охотится именно за мной. Может, ребята в ночлежке сильно разозлились за то, что я сломал их сте-

¹ Фут – это тридцать с небольшим сантиметров. И значит, росту в Блице – метра полтора (Здесь и далее примечания переводчиков).

реосистему. (А чего вы хотели: эти рождественские песнопения кого угодно достанут!) Или камера слежения меня засекла, когда я стащил те деньги в Театральном квартале. (Пиццу-то мне никто задаром не даст!) Или как вариант – хотя и маловероятный, – меня всё ещё разыскивает полиция, чтобы допросить по поводу убийства моей мамы...

Свои пожитки я сложил в три секунды. Туго скатал спальник и запихнул его в рюкзак вместе с зубной щёткой и сменой носков и белья. Это и плюс ещё одежда, которая на мне, – вот и всё моё имущество. Рюкзак на плечи, капюшон куртки натянуть пониже – и готово: я полностью сливаюсь с потоком пешеходов. В Бостоне полно ребят, которые учатся в колледжах. Некоторые из них даже позамызганнее меня. И на вид помоложе.

Я обернулся к Блитцу:

– А где раздают флаеры?

– На Бикон-стрит. И они идут сюда. Белый дядька средних лет и девочка-подросток, может, дочка его.

Я нахмурился:

– Да нет, вроде бред какой-то. Кому...

– Не знаю, малыш. Но мне пора сваливать. – Блитц сощурился на восходящее солнце, которое расцвечивало багряным окна небоскрёба. Я никогда не мог понять почему, но Блитц ненавидел дневной свет. Наверное, он самый маленький и плотненький на свете вампир-бомж. – Ты сходи Хэрта проведай. Он зависает на Копли-сквер.

Опять он туда же! Местный народ в шутку звал Хэрта и Блитца моими мамочкой и папочкой. Потому что они вечно кудахтали надо мной, как две клуши.

– Спасибо за заботу, – ответил я. – Но я уж как-нибудь.

– Смотри, малыш. – Блитц задумчиво жевал большой палец. – Тебе бы поостеречься.

– Зачем?

Блитц глядел куда-то за моё плечо:

– Вон они.

Я никого не увидел. Но когда я обернулся, Блитца и след простыл. Ненавижу, когда он так делает. Фьють – и нет его. Как будто он ниндзя. Ниндзя-вампир-бомж.

Так что теперь у меня был выбор: отправиться на Копли-сквер и позависать с Хэртом или пойти на Бикон-стрит и поискать тех, кто ищет меня.

Любопытно всё-таки. Как там их Блитц описал? Белый дядька средних лет и девочка-подросток разыскивают меня по утреннему морозцу? Зачем я им? И кто они?

Я осторожно двинулся вдоль берега пруда. На нижней дорожке, проходящей под мостом, сейчас никого. Так я могу обогнуть подножие холма: если кто пойдёт по верхней дорожке, я его замечу, а он меня – нет.

Землю укрыл снег. От небесной голубизны резало глаза. Голые ветви деревьев словно окунули в жидкое стекло. Ветер продувал все слои моей одежды, но я не обращал внимания: холод меня почему-то не берёт. Мама всё шутила, что я наполовину белый медведь.

«Опять ты за своё, Магнус», – мысленно упрекнул я себя.

Два года прошло, а память о ней по-прежнему минное поле. Я наступил на мину, и меня разорвало на куски.

Я попытался сосредоточиться.

Вот и они, мужчина и девочка. У мужчины рыжеватые волосы до плеч, и не то чтобы он специально их отращивал – просто, видимо, не заморачивается со стрижкой. Лицо озадаченное – примерно как у школьного учителя: «В меня только что плюнули бумажным шариком, но я понятия не имею, кто это сделал». Его модельные туфли определённо не для бостонской зимы. Коричневые носки разных оттенков. А галстук он, похоже, завязывал, крутясь волчком в тёмной комнате.

Девочка явно его дочка – волосы такие же густые и волнистые, но посветлее. Она-то как раз одета более-менее по погоде: зимние ботинки, джинсы и парка, из ворота которой выглядывает оранжевая футболка. И лицо решительное, даже сердитое. В кулаке пачка флаеров – стиснула их так, словно это сочинение, за которое ей незаслуженно вкатили трояк.

Если эта девочка ищет меня, то пускай я лучше не найдусь. Она меня пугает.

Я не узнал ни девочку, ни её отца, но в глубине моей памяти что-то шевельнулось... Как будто очень старое воспоминание вытягивали на поверхность магнитом.

Отец и дочь остановились у развилки и огляделись, видимо, сообразив наконец, что они посреди пустынного парка, кругом непрошибаемая зима и время сейчас ну очень раннее.

– Просто не верится, – сказала девочка. – Придушила бы его, честное слово.

Это она обо мне, решил я и съёжился ещё сильнее.

– Ты бы с ним помягче, – вздохнул отец. – Он ведь твой дядя как-никак.

– Но два года, папа! – возразила девочка. – Он два года от нас скрывал!

– Никогда не мог понять Рэндольфа. И до сих пор не могу, Аннабет.

Я вдохнул так шумно, что испугался, как бы они не услышали. От моего мозга точно отвалилась запёкшаяся корка, и под ней обнаружились воспоминания десятилетней давности. Из тех времён, когда мне было шесть.

Аннабет. Так, значит, рыжеватый тип – это... дядя Фредерик?

И я прокрутил в голове воспоминания о нашем последнем семейном Дне благодарения. Дело было в особняке дяди Рэндольфа. Мы с Аннабет спрятались в библиотеке и играли в домино, а взрослые тем временем орали друг на друга внизу.

«Тебе хорошо, ты с мамой живёшь. – Аннабет водрузила ещё одну фишку на свою изящную постройку. Очень симпатичный у неё вышел домик, с колоннами, совсем как храм. – А я сбегу».

И я ничуть не сомневался, что она и правда сбежит. Я прямо трепетал перед её уверенностью.

Потом в дверях возник дядя Фредерик с крепко сжатыми кулаками. И его мрачная физиономия плохо сочеталась с радостным оленем у него на свитере. «Аннабет, мы уходим».

Аннабет посмотрела на меня серыми глазами, в которых пылал слишком уж яростный для первоклашки огонь: «Береги себя, Магнус». И лёгким тычком разрушила свой доминошный храм.

Вот такой я видел её в последний раз.

После этого моя мама заявила самым непреклонным тоном: «Больше мы с твоими дядьями не разговариваем. Особенно с Рэндольфом. От меня он ничего не получит, что бы ни просил. Никогда».

Она так и не объяснила, чего же просил Рэндольф и что они втроём с ним и Фредериком не поделили.

«Поверь мне на слово, Магнус. С ними связываться – себе дороже».

И я поверил маме на слово. Даже после её смерти я не встречался с родственниками.

А тут на тебе: они меня, оказывается, ищут.

Дядя Рэндольф живёт в Бостоне, но, насколько мне известно, Фредерик с Аннабет всё ещё в Виргинии. Они что, специально приехали раздавать тут направо и налево флаеры с моим лицом и именем? И, кстати, откуда у них моя фотка?

У меня в голове уже так гудело от мыслей, что я прослушал часть разговора.

– ...найти Магнуса, – говорил дядя Фредерик. Он взглянул на смартфон. – Рэндольф в городской ночлежке, говорит, там его нет. Надо проверить молодёжную ночлежку – это тут, через парк.

– Может, Магнуса вообще уже нет в живых, мы же не знаем! – удручённо заметила Аннабет. – Уже два года он как в воду канул. А вдруг он замёрз насмерть в какой-нибудь канаве!

Меня так и подмывало выскочить из укрытия и кинуться к ним с воплем: «А вот и я!»

Хоть мы десять лет не виделись, мне стало неловко, что Аннабет так переживает. Но годы, проведённые на улице, научили меня уму-разуму. Я на горьком опыте усвоил: пока не выяснишь, что происходит, – не суйся.

– Рэндольф уверен, что Магнус жив, – сообщил дядя Фредерик. – И что он где-то в Бостоне. Если Магнусу и впрямь грозит смертельная опасность...

Они направлялись к Чарльз-стрит, и их слова уносил ветер.

Меня всего трясло, но вовсе не от холода. Вот бы побежать вдогонку, схватить Фредерика за руку и потребовать, чтобы он мне всё объяснил. Откуда Рэндольф знает, что я в Бостоне? Зачем они меня ищут? И почему мне именно сегодня ни с того ни с сего грозит какая-то смертельная опасность?!

Но никуда я не побежал.

Потому что я помнил последнее, что сказала мне мама. Мне тогда очень не хотелось лезть по пожарной лестнице. Не хотелось бросать маму одну. Но мама крепко стиснула мои руки и заставила смотреть ей в глаза. «Магнус, беги. Прячься. Никому не верь. Я найду тебя. И что бы ни случилось, не проси помощи у Рэндольфа».

А потом, не успев я добежать до окна, как дверь нашей квартиры треснула вдоль и взорвалась. И в темноте появились две пары сверкающих синих глаз...

Прогнав воспоминание, я наблюдал, как дядя Фредерик и Аннабет удаляются и поворачивают в сторону парка Бостон Коммон.

Значит, дядя Рэндольф... Он зачем-то вышел на связь с Фредериком и Аннабет. Вызвал их в Бостон. А Фредерик и Аннабет все эти годы не подозревали, что моей мамы не стало, а я пропал. Это, конечно, та ещё нелепица, но, допустим, так оно и есть. Почему же тогда Рэндольф рассказал им обо всём сейчас?

Без личной беседы с дядюшкой есть лишь один способ получить ответы на вопросы. Особняк Рэндольфа стоит на Бэк-Бэй², отсюда рукой подать. И, судя по словам Фредерика, Рэндольфа дома нет. Он разыскивает меня где-то в Саут-Энде.

Небольшой взломчик и незаконное проникновение – что может быть лучшим началом дня! А потому самое время проведать дядюшку.

² Бэк-Бэй – престижный район Бостона, где много дорогих магазинов и ресторанов. Тамошние здания возводились в основном в XIX веке – для США, которые образовались лишь в 1776 году, это довольно старая застройка.

Глава 2. Чувак в бронзовом лифчике

ДОЛБАНОЕ РОДОВОЕ ГНЕЗДО. Нет, вы-то так не подумали бы. Вы бы увидели роскошный шестиэтажный особняк с горгульями по углам крыши, витражи в оконных переплётках, мраморную входную лестницу и всю эту фигню, говорящую о том, что здесь-живёт-кто-то-богатенький. И удивились бы: как это племянника такого дядюшки занесло в бомжи?!

Если в двух словах: д-я-д-я Р-э-н-д-о-л-ь-ф.

Это ведь его дом. Как старший сын Рэндольф унаследовал его от моих бабушки и дедушки, которых я не застал в живых. Я не очень подкован в деталях семейной мыльной оперы, но трое отпрысков – Рэндольф, Фредерик и моя мама – определённо не ладили. После Великого Раскола в День благодарения мы с мамой в фамильную недвижимость не наведывались. Наша квартира была примерно в полумиле отсюда, но это ничего не меняло. Дядя Рэндольф с тем же успехом мог бы жить на Марсе.

Мама заговаривала об особняке, только когда нам случалось проезжать мимо на машине. Она показывала мне дядин дом, точно опасный риф прямо по курсу: «Видишь? Вон он. Держись подальше».

Когда я очутился на улице, мне доводилось бродить ночами неподалёку от дядиного дома. Я заглядывал в окна: там сияли подсветкой шкафы-витрины, полные древних мечей и топоров. Со стен на меня таранились забралами жуткие шлемы, а на лестницах, как окаменевшие призраки, застыли статуи.

Несколько раз я подумывал, не пробраться ли в дом тайком. А вот постучать в дверь мне ни разу даже в голову не пришло. «Дорогой дядя, Рэндольф. Я знаю, вы на дух не выносили мою мать, а меня не видели уже десять лет. Я знаю, что ваш древний металлолом вам милее семьи, но, пожалуйста-пожалуйста, можно я поживу в вашем чудном домике и буду питаться обедами с вашего стола?»

Нет уж, спасибо. Как-нибудь перебыюсь спальным мешком и вчерашним фалафелем из ресторанного двора.

И тем не менее... Проникнуть в дом наверняка плёвое дело. А там я осмотрюсь, может, найду какой-то ключ к происходящему. А заодно стырю что-нибудь на продажу.

О, простите, если я задел ваши высокие чувства.

Хотя погодите. С чего бы мне извиняться?

Я не ворую у первого встречного. Я выбираю стопроцентных придурков, у которых денег куры не клюют. Скажем, новёхонький «БМВ» без инвалидного значка паркуется на инвалидном месте – у такого я без зазрения совести отожму окно и выгребу мелочь из подстаканника. Или выходит какой-нибудь тип из универмага «Барнис»³ с мешком шёлковых носовых платков, треплется по телефону и при этом не смотрит по сторонам и расталкивает всех направо и налево. А я тут как тут – и вытаскиваю у него бумажник. Не обессудь, парень: если уж ты готов выложить пять тысяч долларов за то, чтобы красиво сморкаться, то мой обед тебя не разорит.

Я сам себе судья, присяжные и подсудимый. И раз уж речь зашла о стопроцентных придурках, то лучше дяди Рэндольфа кандидата на эту роль не найти.

Особняк выходил фасадом на Коммонуэлс-авеню. Обойдя дом, я вышел на параллельную улицу с поэтичным названием Общественный проход 429⁴. Парковка Рэндольфа пустовала. И тут была лестница в подвал. Никаких признаков охранной системы в особняке не наблюдалось. Дверь оказалась закрыта на обычную защёлку, даже без засова. Ну что же ты, Рэндольф. Так даже неинтересно.

³ Сеть очень дорогих американских универмагов.

⁴ Такие проходы обычно пролегают между задними фасадами домов; по ним ходят пешеходы, но не ездит транспорт.

Спустя две минуты я был внутри.

В кухне я первым делом поживился нарезкой из индейки и крекерами и попил молока из бумажного пакета. Вот чёрт, а где фалафель? Сейчас бы фалафель – самое то. Но зато я разжился плиткой шоколада – её я приберёг на потом, засунув в карман куртки. (Шоколад – это чтобы смаковать, а не проглатывать в один присест.) Потом я отправился наверх, в мавзолей с мраморными полами, битком набитый мебелью красного дерева, восточными коврами, живописными полотнами и хрустальными люстрами. Прямо смотреть неловко. Ну как можно так жить?!

В шесть лет, я, конечно, не понимал, какое тут всё дорожущее, но общее впечатление от дома у меня было следующее: тёмный, мрачный, гнетущий. С трудом укладывалось в голове, что мама здесь выросла. Зато сразу понятно, почему её с такой силой тянуло на природу.

Наша квартира над корейской закусочной в Аллстоне⁵ была очень уютной, но маме вечно не сиделось в четырёх стенах. Она любила повторять, что её настоящий дом – это Синие холмы. Мы туда ходили в любую погоду – и в однодневные походы, и с ночёвкой в палатках. Свежий воздух, никакие стены на тебя не давят, и вокруг ни души – только утки, гуси да белки.

А вот особняк, по-моему, изрядно смахивает на тюрьму. Я стоял посреди пустой прихожей, и по спине у меня словно ползли невидимые жучки.

Я поднялся на второй этаж, в кабинет. Там пахло лимонной мастикой и кожей, как и раньше. Вдоль стены тянулась освещённая витрина с изъеденными ржавчиной шлемами и топорами. Мама рассказывала мне, что когда-то Рэндольф преподавал историю в Гарварде⁶, но потом там случился большой скандал, и его выгнали. В подробности мама не вдавалась, но одно было ясно: у моего дядюшки форменный сдвиг на исторических артефактах.

«Ты куда умнее обоих своих дядьев, Магнус, – однажды сказала мне мама. – С твоими-то оценками поступить в Гарвард – раз плюнуть».

Но это говорилось, когда мама ещё была жива, когда я учился в школе и мне светило более заманчивое будущее, чем ежедневная охота за едой.

В углу кабинета Рэндольфова громоздился какой-то валун – что-то вроде надгробия, расписанного и изрезанного витиеватым узором. А в середине скалилась звериная морда – то ли лев, то ли волк.

Меня всего передёрнуло. Волки в моём случае – явно лишнее.

Я подошёл к письменному столу, ожидая увидеть компьютер или ноутбук хоть с какой-нибудь информацией, которая наведёт на мысль, почему вдруг меня стали разыскивать. Но никакой техники тут не обнаружилось. Зато по всему столу были разложены куски пергамента – жёлтого и тонкого, как луковая кожура. Как будто средневековый школьник готовился к уроку обществознания и нарисовал карту: слабо прочерченная линия берега, разные точки помечены буквами незнакомого мне алфавита. И сверху пергамент придавливал как пресс-папье кожаный кисетик.

У меня перехватило дыхание. Я же помню этот кисетик! Я развязал тесёмку и вытащил фишку домино... только это было не домино. Моё шестилетнее «я» вспомнило, что мы с Аннабет тогда играли вовсе не с доминошками. Давнее воспоминание окрепло на глазах. На этих плашках вместо точек были красные символы.

На моей ладони лежала плашка с символом, похожим на ветку дерева. Или на латинскую *F*.

⁵ В отличие от престижного Бэк-Бэя, Аллстон – пёстрый, разношёрстный район, где живёт много выходцев из самых разных стран. А ещё там полным-полно студентов: Аллстон расположен близко к ряду колледжей и университетов, в том числе и к знаменитому Гарварду.

⁶ *Преподаватель Гарварда* – это очень солидная должность. Гарвардский университет – самый старый американский вуз, он основан в 1636 году и по праву считается одним из лучших в мире. Гарвард в Америке – это примерно как Оксфорд или Кембридж в Великобритании или Сорбонна в Париже.

Сердце ухнуло. Сам не знаю, с чего бы. Я вдруг подумал, что зря я сюда притащился. Появилось ощущение, что стены смыкаются вокруг меня. Зверь, прорисованный красной краской на каменной глыбе, злобно скалился. Казалось, его черты обведены кровью.

Я подошёл к окну, решив, что надо выглянуть на улицу – вдруг полегчает. Коммонуэлс-авеню прочерчивала поперёк зелёная полоса, засыпанная снегом. Голые деревья стояли все в рождественских огнях. В конце квартала за металлической решёткой возвышалась на пьедестале статуя Лейфа Эрикссона⁷. Прикрыв глаза рукой, Лейф вглядывался в развязку над парком Чарльзгейт и, судя по всему, восклицал: «Ого, ребята! Да тут машинки!»

Мы с мамой постоянно отпускали шуточки насчёт Лейфа. Доспехов на нём было, прямо скажем, маловато: короткая кольчуга да две нагрудные пластины – ни дать ни взять викингский лифчик⁸.

Понятия не имею, почему эта статуя очутилась в центре Бостона. Но дядюшкина страсть к викингам возникла явно не на пустом месте. Он же тут вырос. Каждый день глазел в окно на Лейфа. И когда дядя Рэндольф был маленьким, он наверняка думал: «Вот вырасту и стану изучать викингов. Парни в бронзовых лифчиках рулят!»

Я перевёл взгляд к подножию пьедестала. Там кто-то стоял... и смотрел на меня.

Знаете, как это бывает: видишь кого-то знакомого в непривычном месте – и не сразу доходит, что это он. В тени Лейфа Эрикссона стоял высокий бледный мужчина в чёрной кожаной куртке, чёрных байкерских штанах и остроносых сапогах. Единственным цветным пятном в его облике был обмотанный вокруг шеи красно-белый шарф. Его концы стекали по плечам, как расплавленная карамельная трость.

Не знай я его – решил бы, что мужик косплеит какого-нибудь персонажа из аниме. Но я его знал. Это был Хэрт, мой спутник по бомжеванию и по совместительству моя приёмная «мамочка».

Я слегка испугался и слегка оскорбился. Он что, увидел меня на улице и шёл следом? Мне никакие ангелы-хранители даром не нужны.

Я развёл руками:

– Ты что тут делаешь?

Хэрт поднёс сложенные щепотью пальцы к другой ладони и изобразил, будто собирает с неё что-то и отшвыривает прочь. Мы с ним два года провели бок о бок, и за это время я выучился языку жестов.

Он говорил мне: «УХОДИ».

Встревоженным он не выглядел, но по Хэрту никогда наверняка не скажешь – он не любит показывать эмоции. Пока мы с ним бродили вместе, его бледно-серые глаза смотрели на меня так, точно я вот-вот взорвусь.

⁷ Лейф Эрикссон (или Лейф Счастливей, ок. 970—1020) – исландский мореплаватель, которого считают первооткрывателем Северной Америки. Он первым посетил континент за пять столетий до Колумба.

⁸ Честно говоря, повод для шуточек тут налицо – в бронзовом Лейфе Эрикссоне, стоящем в центре Бостона, викинга с первого взгляда не распознаешь. Скорее перед нами утончённый античный герой в несколько расслабленной позе и одетый совершенно не по-викингски – что поделать, памятник воздвигли в конце XIX века, и представления о викингах тогда были несколько романтизированы.

Пытаясь понять, чего он хочет и почему он тут, а не на Копли-сквер, я терял драгоценные секунды.

Хэрт показал новый жест: два пальца обеих рук устремлены вперёд и дважды ныряют вверх-вниз. «СКОРЕЕ».

– Почему? – спросил я вслух.

За моей спиной глубокий голос произнёс:

– Здравствуй, Магнус.

Я чуть из ботинок не выпрыгнул. В дверях кабинета стоял дядька с грудью колесом, подстриженной седой бородой и шапкой седых волос. Поверх тёмного шерстяного костюма на нём было пальто из бежевого кашемира. Руки обхватывали набалдашник полированной трости с железным наконечником. Когда мы виделись в прошлый раз, волосы у него были чёрные. Но голос я узнал.

– Рэндольф.

Он на миллиметр склонил голову:

– Какой приятный сюрприз. Я рад, что ты здесь. – Правда, в голосе не было ни удивления, ни радости. – У нас мало времени.

Еда и молоко начали бунтовать у меня в животе.

– Ммм-мало времени? Для чего?

Он нахмурился и сморщил нос, словно учуял лёгкий неприятный душок:

– Тебе сегодня исполняется шестнадцать, верно? Тогда они явятся убить тебя.

Глава 3. Дядюшка с причудами предлагает вас подбросить? Не соглашайтесь!

НУ, С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ МЕНЯ! Что, уже тринадцатое января?! Честно, у меня из головы вылетело. Когда ночуешь под мостами и питаешься из помоек, время летит незаметно.

Итак, мне шестнадцать. И в качестве подарка на день рождения меня припёр к стене дядюшка Псих, который утверждает, что на меня готовится покушение.

– А кто... – начал было я, но осёкся. – Знаете что? Мне всё равно. Приятно было повидать вас, дядя Рэндольф. Я, пожалуй, пойду.

Но Рэндольф не двигался с места – он стоял в дверях, загораживая дорогу и нацелив на меня окованный железом кончик трости. Клянусь, я через весь кабинет чувствовал, как эта трость упирается мне в грудь.

– Магнус, нам надо поговорить. Я не хочу, чтобы они добрались и до тебя. Особенно после того, что случилось с твоей матерью...

Лучше бы он этой тростью мне по лицу врезал.

Воспоминания о той ночи мигом взвихрились у меня в голове, как калейдоскоп, от которого начинает тошнить: наш дом весь сотрясается, этажом ниже раздаётся вопль, мама – а она весь день нервничала и была сама не своя – тащит меня к пожарной лестнице и велит бежать. Дверь проламывают, потом её сносит взрывом. И с лестничной площадки врываются два зверя: шкуры у них цвета грязного снега, а глаза так и сияют синим. Мои пальцы соскальзывают со ступеньки пожарной лестницы, и я приземляюсь на гору мусорных мешков на заднем дворе. Через несколько мгновений окна нашей квартиры вышибает взрывом и оттуда извергается пламя.

Мама тогда приказала мне бежать. Я побежал. Ещё она обещала, что найдёт меня. Но не нашла. Уже потом из новостей я узнал, что её тело обнаружили на месте пожара. Меня разыскивала полиция. У полиции были ко мне вопросы: не умышленный ли это поджог, какие у меня были оценки за поведение в школе и почему соседи говорят, будто до взрыва из нашей квартиры доносился какой-то грохот. И наконец, зачем я сбежал с места трагедии. Ни в одной сводке новостей волки с синими глазами не упоминались.

С той ночи я как бы в бегах. И пока я находился под прицелом, все мои мысли были заняты выживанием. Я о маме и погоревать-то как следует не сумел. И порой сомневался даже: не пригрезились ли мне те волки? Но нет, не пригрезились, я точно знал.

А тут ни с того ни с сего дядя Рэндольф изъявляет желание мне помочь.

Я сжал доминошку в кулаке так сильно, что края врезались в ладонь:

– Вы не знаете, что случилось с мамой. Вам до нас никогда не было дела.

Рэндольф опустил трость, тяжело опёрся на неё и уставился на коврик. Я почти поверил, что задел его за живое.

– Я умолял твою мать, – сказал он. – Я просил её привести тебя сюда: живи ты здесь, я мог бы тебя защитить. Но она отказалась. А после её гибели... – Рэндольф покачал головой. – Магнус, ты даже не представляешь, как я с ног сбивался, разыскивая тебя. И не представляешь, что тебе грозит.

– Обойдусь без вашей заботы, – буркнул я, хотя сердце у меня уже стучало о рёбра. – До сих пор прекрасно обходился.

– Возможно, но это было раньше. – Рэндольф говорил таким твёрдым тоном, что меня пробрал озноб. – Тебе шестнадцать, отныне ты мужчина. Однажды тебе удалось спастись от них – в ту ночь, когда погибла твоя мать. Но в этот раз тебе не уйти. Это твой последний шанс. Позволь мне помочь тебе, иначе ты не доживёшь до вечера.

Низкое зимнее солнце пробралось сквозь витражное окно, расцветив лицо Рэндольфа переменчивыми красками. Как у хамелеона.

Зря я сюда пришёл. Тупой, тупой, тупой кретин. Ведь сколько раз мама мне повторяла: «Не проси помощи у Рэндольфа». Ну и полюбуйтесь: вот он я.

Чем дольше я его слушал, тем страшнее мне становилось. И тем сильнее хотелось выслушать его до конца.

– Мне ваша помощь не нужна. – Я положил странную фишку домино на стол. – Я не хочу...

– Я знаю о волках.

Я застыл на месте.

– Я знаю, что именно ты видел, – продолжал он. – Я знаю, кто послал тех тварей. И что бы там ни думала себе полиция, я знаю, как на самом деле умерла твоя мать.

– Как...

– Магнус, я очень многое должен тебе рассказать о твоих родителях и о твоём наследии... О твоём отце.

Мою спину прошиб ледяной ток:

– Вы знали моего отца?!

Я не хотел давать Рэндольфу преимущество – по уличному опыту мне было известно, насколько это может быть опасно. Но я заглотил наживку – что правда, то правда. Мне до зарезу нужно узнать то, что знает мой дядя. И, судя по расчётливому блеску в глазах, Рэндольф об этом догадывался.

– Да, Магнус. Кто был твой отец, почему погибла твоя мать и почему она отвергла мою помощь... Это всё связано. – Он махнул в сторону витрины с викингским барахлом. – Всю мою жизнь я стремился к одной цели. Я пытался разрешить некую историческую загадку. Но до недавнего времени не видел всей полноты картины. Теперь вижу. Всё вело к этому самому дню, ко дню, когда тебе исполнилось шестнадцать.

Я попятился к окну, подальше от дяди Рэндольфа:

– Слушайте, из того, что вы говорите, я процентов девяносто не понимаю. Но если вы расскажете мне о моем папе...

Дом затрясся, словно вдали ударила целая батарея пушек – получилось такое раскатистое «бум!», что дрожь прошла даже по зубам.

– Скоро они будут здесь, – сказал Рэндольф. – Наше время на исходе.

– Да кто такие «они»?!

Рэндольф прохромал ко мне, опираясь на трость. Кажется, у него не гнётся правое колено.

– Я прошу о многом, Магнус. У тебя нет причин доверять мне. Но ты должен отправиться со мной прямо сейчас. Мне известно, что принадлежит тебе по праву рождения. – Он указал на старые карты, лежавшие на столе. – Вместе мы сумеем добыть твоё наследие. А это единственное, что может тебя защитить.

Я взглянул через плечо в сторону окна. Хэрт уже успел испариться с Коммонуэлс-авеню. Ну и правильно, я бы на его месте тоже испарился. Я смотрел на дядю Рэндольфа и пытался отыскать хоть какое-то сходство с мамой. Хоть какую-то зацепку, чтобы я мог ему поверить. Но никакого сходства не находилось. Грузная фигура, тёмные пронзительные глаза, лицо без улыбки, чопорные манеры... он был полной противоположностью мамы.

– Моя машина ждёт у крыльца, – поторопил дядя.

– А может... может, подождём Аннабет и дядю Фредерика?

– Они мне не верят, – скривился Рэндольф. – Никогда не верили. Уже совсем отчаявшись, я обратился к последнему средству и вызвал их сюда, чтобы они помогли мне тебя найти. Но раз уж ты сам пришёл...

Особняк снова трянуло. «Бум!» – прозвучало отчётливее и ближе. Наверное, это на ближайшей стройке. Или военный парад. По крайней мере, я решил думать так. Но чутьё говорило мне другое. Это «бум!» было как шаг великанской ноги – от такого вот шага содрогалась наша квартира два года назад.

– Прощу тебя, Магнус. – Голос дяди дрожал. – Эти чудовища лишили меня семьи. Я потерял жену и дочерей.

– У вас... у вас была семья? Мама никогда не рассказывала...

– Нет, конечно, нет. Но твоя мать... Натали была моей единственной сестрой. Я любил её. Её смерть стала для меня утратой. Я не вынесу потери ещё одного члена семьи. Идём со мной. Твой отец оставил для тебя кое-что. Ты должен найти это, и тогда твоё наследие изменит судьбы миров.

В голове у меня теснилось слишком много вопросов. И вообще мне не нравился нездоровый блеск в глазах Рэндольфа. И не понравилось, как он сказал «миров» во множественном числе. К тому же я не верил, что он так уж рьяно меня разыскивал после маминой гибели. У меня, если что, всегда ушки на макушке. Если бы Рэндольф расспрашивал обо мне, называя моё имя, кто-нибудь из уличных приятелей непременно доложил бы мне – вот как Блиц поступил сегодня утром с Аннабет и Фредериком.

Что-то произошло – и Рэндольф вдруг решил, что я представляю собой какую-то ценность.

– А если я просто убегу? – поинтересовался я. – Вы меня будете ловить?

– Если ты убежишь – они настигнут тебя. И убьют.

Горло мне точно забили ватными шариками. Рэндольфу я по-прежнему не верил. Но, к несчастью, похоже, насчёт моего предполагаемого убийства он не врёт. Что-то в его голосе выдавало правду.

– Ну что ж, – вздохнул я. – Тогда поехали покатаемся.

Глава 4. Нет, серьёзно, этому типу не место за рулём

Слыхали когда-нибудь о безумных бостонских водителях?⁹ Так вот, мой дядя Рэндольф как раз из них.

Короче, он раскочегарил свой «БМВ 528i» (ну, разумеется, «БМВ», что же ещё!) и рванул вдоль Коммонуэлс-авеню. При этом он игнорировал светофоры, ошалело сигналил другим водителям и неистово метался из ряда в ряд.

– Вы пешехода пропустили, – вставил я. – Может, вернётесь додавите?

Но Рэндольф был слишком поглощён вождением, чтобы отвечать. Он всё поглядывал на небо, словно ждал: не начнётся ли гроза? А сам тем временем направил «БМВ» через перекрёсток в сторону Эксетера.

– Ну, – снова подал голос я, – куда едем-то?

– На мост.

Исчерпывающее объяснение. В Бостоне и окрестностях мостов штук двадцать.

Я провёл рукой по кожаному сиденью с подогревом. В последний раз я ездил на автомобиле примерно с полгода назад – в «Тойоте» соцработника. А до этого катался в полицейской машине. Оба раза я назвался не своим именем. Оба раза сбежал. Но за два года уличной жизни я научился ставить знак равенства между автомобилем и тюремной камерой. И не факт, что сегодня на этом фронте грядут перемены.

Я всё ждал, когда же Рэндольф соизволит ответить хоть на один из моих животрепещущих вопросиков – ну, скажем: кто был мой папа? Кто убил мою маму? Как вы потеряли жену и детей? У вас сейчас глюки? Почему вам приспичило душиться этим гвоздичным одеколоном?

Но дядя был занят: он сеял хаос в потоке автомобилей.

Наконец, чтобы уже как-то прервать затянувшееся молчание, я спросил:

– Так кто там собирается меня убить?

Рэндольф повернул вправо, на Арлингтон. Мы обогнули Общественный сад, миновали конную статую Джорджа Вашингтона, ряды газовых фонарей и заметённые снегом изгороди. Я боролся с искушением вывалиться из машины, помчаться к лебединому пруду и укрыться в спальном мешке.

– Магнус, – произнёс Рэндольф, – я всю свою жизнь посвятил изучению следов скандинавов в Северной Америке.

– О, спасибо, – хмыкнул я. – Теперь-то мне всё ясно.

И тут я внезапно разглядел то самое сходство между Рэндольфом и мамой. Дядя точно так же сердито нахмурился, точно так же взглянул на меня поверх очков, как бы говоря: «Пожалуйста, мой мальчик, давай сейчас побеседуем без шуток». И от этого сходства у меня заныло в груди.

– Ладно-ладно, – кивнул я. – Как скажете. Значит, следы скандинавов. Это вы о викингах?

Рэндольф поморщился:

– Как тебе сказать... викинги – это те, кто устраивал вооружённые набеги. Это скорее род занятий. Речь о скандинавах, а они не все были викингами.

– Статуя Лейфа Эрикссона... Она означает, что викинги... ну то есть скандинавы, открыли Бостон? Я-то думал, это были отцы-пилигримы¹⁰.

⁹ На случай, если вы не слышали: бостонские водители заслуженно славятся среди жителей США пренебрежением к правилам дорожного движения. Это подтверждают данные страховых компаний. Злые языки говорят, что безумные бостонские водители трактуют знаки «уступи дорогу», «стоп», «сужение дороги», «пешеходный переход», а также красный свет на светофоре как «жми на газ».

¹⁰ Сразу видно, Магнус не доучился в школе. Бостон, конечно же, никто не открывал. Его основали в 1630 году. И не совсем отцы-пилигримы, а их единоверцы. Вы наверняка знаете, что США до обретения независимости в 1776 году представляли

– Я могу прочесть трехчасовую лекцию только на одну эту тему.

– Ой, пожалуйста, не надо.

– Если коротко – скандинавы исследовали Северную Америку и даже строили здесь поселения примерно в тысячном году, почти за пять веков до Христофора Колумба. Учёные на этот счёт сходятся во мнениях.

– Вот радость-то! Ненавижу, когда учёные не сходятся во мнениях.

– Но насколько далеко на юг заплывали скандинавы, точных сведений нет. Добирались ли они до современной территории Соединённых Штатов? Эта статуя Лейфа Эрикссона... Любимое детище одного местного археолога-любителя. Он жил в девятнадцатом веке, и звали его Ибен Хорсфорд. Он истово верил в то, что Бостон – это затерянный край Норумбеги, южный рубеж проникновения скандинавов на наш континент. У Хорсфорда был инстинкт, нутряное чутьё, но реальных доказательств не было¹¹. Многие историки решили, что он просто с приветом. – Дядя смерил меня многозначительным взглядом.

– Дайте-ка угадаю... А ведь вам не кажется, что он с приветом. – Я с трудом сдержался, чтобы не прибавить «дурак дурака видит издалека».

– Карты на моем столе, – сказал Рэндольф, – вот они и есть доказательство. Мои коллеги полагают, что это фальшивки. Но это не фальшивки. Утверждая это, я рисковал репутацией!

«Ага, вот почему его попёрли из Гарварда», – догадался я.

– Скандинавские первооткрыватели добрались до этих мест, – продолжал дядя. – Они что-то искали... И нашли это здесь. Один из их кораблей затонул неподалёку. Долгие годы я считал, что это произошло в Массачусетском заливе, и пожертвовал всем, чтобы разыскать останки затонувшего судна. Я купил яхту и брал жену и детей в походы под парусом. А в последний раз... – Голос его пресёкся. – Этот шторм разыгрался ни с того ни с сего, и пламя... – Тут он умолк, но суть я уловил: его семья погибла на море во время шторма. Выходит, он не только репутацией рискнул, а вообще всем ради своей безумной теории о викингах в Бостоне.

Честно, мне было его очень жалко. Но оказаться в роли очередной дядюшкиной промашки тоже как-то не улыбалось.

Мы остановились на углу Бойлстон-стрит и Чарльз-стрит.

– Мне, наверное, лучше выйти сейчас. – И я подёргал ручку. Дверца автомобиля оказалась заперта на центральный замок, кнопка которого находилась у водителя.

– Магнус, выслушай меня. Ты не случайно родился именно в Бостоне. Твой отец хотел, чтобы ты отыскал то, что он утратил две тысячи лет назад.

Я так и подскочил:

– Как-как, вы сказали?! Две тысячи лет назад?!

– Ну да, плюс-минус сколько-то.

Так, кажется, пора что-то делать. Может, заорать и начать колотить по стеклу? Кинется ли кто-нибудь мне на выручку? Если удастся выбраться из машины, попробую разыскать дядю Фредерика и Аннабет – они-то наверняка не такие психи, как Рэндольф.

собой череду английских колоний, протянувшихся вдоль Атлантического побережья Америки. Среди них был и Массачусетс со столицей в Бостоне. Массачусетс получился путём сложения нескольких колоний поменьше, в том числе Нового Плимута и Колонии Массачусетского залива. Обе эти колонии основали пуритане (это такое течение в протестантизме), подавшиеся за океан из Англии не от хорошей жизни: слишком благочестивые и независимые в религиозных и житейских вопросах, они не очень-то ладили с официальной Церковью Англии, то и дело норовившей вмешаться в их дела. Новый Плимут основали отцы-пилигримы – они прибыли в Северную Америку в 1620 году на корабле «Мэйфлауэр». И кстати, именно они придумали День благодарения. А в 1630 году другая группа пуритан во главе с Джоном Уинтропом (о нём разговор впереди) высадились в Массачусетском заливе. Они-то и построили Бостон.

¹¹ *Ибен Хорсфорд* (1818–1893) преподавал агрохимию в Гарвардском университете (между прочим, это он изобрёл разрыхлитель для теста) и по совместительству был археологом-любителем. Памятник Лейфу Счастливому был создан скульптором Энн Уитни именно по его заказу. А ещё Ибен Хорсфорд построил башню на берегу реки Чарльз – в том месте, где, как ему казалось, стояла легендарная скандинавская крепость Норумбега.

Мы повернули на Чарльз-стрит, направляясь к северу, между Общественным садом и Бостон Коммон. Этак Рэндольф завезёт меня куда угодно: в Кембридж, в Норт-Энд, в какую-нибудь заброшенную придорожную канаву...

Я старался держать себя в руках:

– Две тысячи лет... Среднестатистические отцы так долго не живут.

Рэндольф напоминал мне Луну из старых черно-белых мультиков: бледное одутловатое лицо, изрытое оспинами и шрамами, и потаённая улыбочка, не предвещающая ничего хорошего.

– Магнус, что ты знаешь о скандинавской мифологии?

«Ну все, приехали», – обречённо подумал я, а вслух сказал:

– Да, в общем, немного. У нас была книжка с картинками, мама мне её читала, когда я был маленький. И ещё вроде была парочка фильмов про Тора?

Рэндольф брезгливо покачал головой:

– Эти фильмы... Они до нелепости неправдоподобны. Настоящие боги Асгарда – Тор, Локи, Один – куда более могущественны, куда более грозны, чем любая голливудская поделка.

– Но... они же из мифов. Их как бы не существует.

Рэндольф воззрился на меня чуть ли не с сочувствием:

– Мифы – это история, которую мы позабыли.

– Ой, знаете, я тут вспомнил: у меня же встреча назначена вон на той улице...

– Тысячу лет назад скандинавские первооткрыватели пришли на эту землю. – Рэндольф вёз нас мимо бара «Будем!»¹² на Бикон-стрит, где туристы делали селфи на фоне вывески. Посреди тротуара валялся скомканный флаер с надписью «ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК» и моей старой фотографией, по которому как раз в этот момент протопал какой-то турист.

– Предводитель скандинавов, – вещал Рэндольф, – был сыном бога Скирнира.

– Ну, ясно: сыном бога. Нет, правда, посадите меня, я пешочком пройдуся.

– И этот человек принёс с собой некий особый предмет, – сообщил Рэндольф. – Нечто, принадлежащее твоему отцу. Когда корабль потерпел крушение в шторм, этот предмет был утрачен. Но ты... ты способен найти его.

Я снова подёргал дверь. По-прежнему заперто.

А знаете, в чём весь ужас? Чем дольше разглагольствовал дядюшка, тем меньше он казался мне психом. Моё сознание впитывало его рассказ как губка – все эти штормы, а также волков, богов и Асгард. Слова становились на свои места точно кусочки пазла, который я до сих пор никак не решался закончить. Я начинал верить дяде Рэндольфу, и от этого у меня тряслись поджилки.

Рэндольф вильнул вокруг въезда на Сторроу-драйв и припарковался возле счётчика на Кембридж-стрит. К северу от нас возносились рельсы открытого метро, ведущие к станции «Массачусетская многопрофильная клиника», а за ними высились каменные башни моста Лонгфелло.

– Так нам сюда? – спросил я.

Рэндольф порылся в подстаканнике в поисках четвертаков.

– Все эти годы он был ближе, чем я мог подумать. Мне всего-навсего нужен был ты!

– Вот оно, истинное чувство.

– Сегодня тебе исполняется шестнадцать. – Дядины глаза возбуждённо бегали. – И это идеальный день для того, чтобы ты мог востребовать своё наследие. Но этого дня ждали и твои враги. Поэтому мы должны найти его первыми.

– Но...

– Доверься мне ещё в самой малости, Магнус. Как только мы отыщем оружие...

¹² «Будем!» (Cheers!) – один из самых знаменитых баров Бостона, открытый ещё в 1969 году.

– Оружие? Так моё наследие – это оружие?

– ...как только ты завладеешь им – ты спасён. Я всё тебе объясню. Я научу тебя, как быть с тем, что грядёт. – Он открыл водительскую дверцу и собрался вылезать. Но я вцепился в его запястье.

Обычно я избегаю прикосновений. Не люблю физический контакт. Но сейчас мне требовалось дядино внимание – целиком и без остатка.

– Ответьте мне на один вопрос, – сказал я. – Но ясно и чётко, без увёрток, без лекций по истории. Вы сказали, что знали моего папу. Кто он?

Рэндольф накрыл мою руку своей, отчего меня перекосило. Для преподавателя истории ладонь у него была слишком шершавая и мозолистая.

– Магнус, клянусь тебе всей своей жизнью – это правда. Твой отец – скандинавский бог. А теперь поторопимся. У нас парковка на двадцать минут.

Глава 5. Всегда мечтал взорвать мост

– Нет, так не пойдёт! – возмущённо взвыл я вслед удаляющемуся Рэндольфу. – Заложить такую бомбу – и свалить!

Несмотря на трость и негнущееся колено, дядюшка хромал довольно резво. На чемпионате по скоростному ковылянию он бы взял золотую медаль. Прохромав к мосту Лонгфелло, Рэндольф взобрался на тротуар, а я скакал следом, и ветер свистел у меня в ушах. Мимо нас со стороны Кембриджа¹³ тянулся утренний поток автомобилей. Машины ползли еле-еле, чуть ли не впритык друг к другу. Вы наверняка решили, что мы с Рэндольфом тут были единственными пешеходами – по-хорошему, кому придёт в голову шастать по мосту в минусовую температуру! Но это же Бостон – поэтому бок о бок с нами пыхтело с полдюжины бегунов, в своих лайковых костюмах похожих на изнурённых тюленей. Вдоль противоположного тротуара шла мамашка с двумя карапузами, загруженными в коляску. Судя по лицам детишек, чувствовали они себя примерно как я – то есть беспробудно несчастными.

Дядюшка, хромая, опережал меня футов на пятнадцать.

– Дядя Рэндольф! – воззвал я. – Я вообще-то с вами разговариваю!

– Медленное течение реки, – бормотал он. – Мусор на берегах... Допустим, на протяжении тысячи лет характер прилива менялся...

– Эй! – Я наконец догнал дядю и ухватил его за рукав кашемирового пальто. – Вернёмся к вопросу о моём скандинавско-божественном папочке.

Рэндольф внимательно обозревал окрестности. Мы стояли на одной из главных башен моста – гранитный конус вздымался над нашей головой на полсотни футов. Башни обычно сравнивают с гигантскими солонкой и перечницей. Ну, не знаю... мне-то всегда казалось, что они как дёшево из сериала «Доктор Кто»¹⁴. (Да, я фанат. Закидайте меня гнилыми помидорами. И да: беспризорные тинейджеры тоже иногда смотрят телевизор – в ночлежных комнатах отдыха, на библиотечных компьютерах... Короче, у нас свои каналы.)

В сотне футов под нами сверкала стальным блеском река Чарльз. Испещрённая пятнами снега и льда, она напоминала питонью шкуру.

Рэндольф так сильно перегнулся через перила моста, что я занервничал не на шутку.

– Надо же такому случиться, – бормотал он. – Из всех мест на свете – именно это.

– Так вот, о моём отце... – снова завёл я.

Рэндольф стиснул мне плечо:

– Посмотри вниз, Магнус. Что ты видишь?

Я осторожно заглянул через перила:

– Воду.

– Нет же – резное украшение под нами.

Я взглянул ещё раз. Примерно на середине пилона над водой торчало что-то вроде гранитного балкона. Как театральная ложа, только с заострённым верхом.

– Похоже на чей-то нос.

– Вовсе нет... Впрочем, это и правда нос, хотя и в другом смысле. Это нос викингского драккара. Поэт Лонгфелло, в честь которого назван мост, восхищался древними скандина-

¹³ Пригород Бостона.

¹⁴ Дёшево – раса мутантов-киборгов из британского фантастического сериала «Доктор Кто», выходявшего с 1963 по 1989 год и возобновлённого в 2005-м. Эта телеэпопея о путешественнике во времени вошла в Книгу рекордов Гиннеса как самый продолжительный и успешный сериал.

вами¹⁵. Писал поэмы об их богах. Как и Ибен Хорсфорд, Лонгфелло верил, что викинги добрались до Бостона. Отсюда и такие украшения моста¹⁶.

– Вам бы экскурсии водить, – посоветовал я. – Фан-клуб Лонгфелло вас бы деньжищами завалил.

– Ты что, не понимаешь? – Дядина рука всё ещё лежала на моём плече, и мне от этого было неловко. – Столько людей веками верили в это. Чутьё говорило им, что это правда, но у них не было доказательств. Однако викинги не просто так посетили это место. Это место было для них сакральным! Прямо под нами – где-то рядом с этими декоративными корабельными носами – покоятся останки подлинного драккара, таящего в своих недрах бесценный груз.

– Я пока кроме воды ничего не вижу. И я всё ещё хотел бы послушать про папу.

– Магнус, скандинавские первопроходцы явились сюда в поисках оси миров, ствола древа. И они нашли его...

Гулкое «бум!» прокатилось над рекой. Мост дрогнул. Где-то в миле от нас, среди частокола труб и колоколен Бэк-Бэй, воздвигся столб густого чёрного дыма с грибной шляпой.

Я привалился к перилам:

– Э-э... А это не рядом с вашим домом?

Рэндольф помрачнел. Его серебристая борода поблёскивала в солнечном свете.

– Время уходит. Магнус, протяни руку над водой. Меч лежит там, внизу. Призови его. Сосредоточься на нём, как будто важнее нет ничего на свете. Как будто ты всегда жаждал им завладеть.

– Меч? Я... Слушайте, дядя, я всё понимаю, у вас, наверное, выдался нелёгкий день, но...

– ДЕЛАЙ, ЧТО СКАЗАНО.

Он произнёс это таким суровым тоном, что я как-то сник. Рэндольф определённо свихнулся – иначе не кормил бы меня баснями о богах, мечах и кораблекрушениях тысячелетней давности. Но столб дыма над Бэк-Бэй был очень даже настоящий. Вдалеке выли сирены. Водители на мосту высывались из окон, чтобы поглазеть, доставали смартфоны и фоткали пожар.

И как я ни сопротивлялся, басни Рэндольфа почему-то находили во мне отклик. Я чувствовал, как моё тело гудит в резонансе с чем-то очень созвучным. Точно я впервые поймал правильную волну и встроился в дрянной саундтрек моей жизни.

Я простёр руку над водой.

Ничего не произошло.

«Естественно, – мысленно съехидничал я. – А ты чего ждал?»

Мост тряхнуло сильнее. Один из бегунов на тротуаре споткнулся. За моей спиной хрястнуло: кто-то врезался в зад едущему впереди автомобилю. Заголосили гудки.

Над крышами Бэк-Бэя тем временем за клубился второй столб дыма. Во все стороны летели пепел и горящие обломки, будто где-то под землёй проснулся вулкан.

– Это... это уже ближе, – заметил я. – Похоже, в нас целятся.

Честно, я надеялся, что Рэндольф скажет: «Что за глупости, конечно, нет!» Но Рэндольф словно состарился на моих глазах. Его морщины потемнели. Плечи ссутулились. Он тяжело навалился на трость.

– Пожалуйста, не надо снова, – шептал он себе под нос. – Не надо, как в прошлый раз.

¹⁵ Генри Уордсворт Лонгфелло (1807–1882), считающийся в Америке национальным поэтом, действительно написал несколько скандинавских баллад. Правда, самое знаменитое его произведение посвящено не древним скандинавам, а индейцам – это поэма «Песнь о Гайавате», что-то вроде индейского эпоса. Между прочим, жил Лонгфелло как раз за мостом – в Кембридже. И кстати, как и дядя Рэндольф, он преподавал в Гарвардском университете.

¹⁶ Дядя Рэндольф, конечно, историк, но XX век – это не его период, и тут он вправе немного напутать. Украшения в виде носов драккаров связаны всё-таки с именем Ибена Хорсфорда и популярностью его теории, а скандинавские увлечения Лонгфелло тут ни при чём. Впрочем, даже сам Лонгфелло тут изначально был ни при чём: мосту с гранитными башнями дали имя поэта лишь двадцать лет спустя после постройки, в 1927 году.

Что ещё за прошлый раз? Мне сразу вспомнилась гибель его жены и детей: ни с того ни с сего разыгрался шторм и ещё какое-то пламя...

Рэндольф вперил взгляд в меня:

– Попробуй ещё раз, Магнус. Прошу тебя.

И я снова простёр руку над водой. Я представил, будто тянусь к маме, хочу вырвать её из прошлого – спасти от волков и увести из пылающего дома. Я тянулся к ответам на мои вопросы, почему я потерял её, почему с тех пор моя жизнь стала такой дурацкой фигнёй.

Прямо подо мной река начала дымиться. Лёд таял, снег испарялся, и на поверхности обозначилась полынья в виде руки. Моей руки – только в двадцать раз больше.

Я понятия не имел, что делаю. У меня уже были похожие ощущения – когда мама учила меня ездить на велике. «Не думай, что делаешь, Магнус. Не сомневайся, а то упадёшь. Просто крути педали, и всё».

Я поводил рукой туда-сюда. В сотне футов подо мной дымящаяся рука повторила мои движения, расчищая реку ото льда. И внезапно я замер. В середину моей ладони вонзилось остриё из сплошного жара – словно я перехватил солнечный луч.

Там что-то было... Источник этого жара лежал на стылом дне реки, закопанный глубоко в ил. Я сомкнул пальцы и дёрнул.

Водяной купол вздулся над рекой и опал, как мыльный пузырь из сухого льда. Какая-то палка, напоминающая с виду кусок трубы, вылетела из реки и прыгнула мне в руку.

На меч эта палка походила меньше всего. Я её держал за один конец, но рукояти у неё не просматривалось. Если у неё когда-то и было остриё и лезвия, то теперь всего этого не существовало. Штуковина напоминала меч разве что размером, но её изглодала ржавчина, облепили наросты, и вся она блестела от ила и грязи. Я вообще не сказал бы с уверенностью, что это металл. По правде говоря, это был самый удручающий, хлипкий и вонючий предмет, какой я когда-либо вытаскивал из реки с помощью магической силы.

– Наконец-то! – вскричал Рэндольф, возводя очи к небесам. По-моему, если бы не его больная нога, он грохнулся бы на колени тут же на тротуаре и воздал бы хвалу скандинавским богам.

– О да! – Я взвесил на руке свой трофей. – Теперь-то я и впрямь спасён.

– В твоей власти пробудить его! – заявил Рэндольф. – Попробуй!

Я повертел меч в руках. Удивительно, как он от этого не рассыпался.

– Ну, не знаю, дядя. Мне кажется, тут пробуждать особо нечего. Не факт, что эту штуку даже в переработку примут.

Нет, вы не подумайте, что я такой неблагодарный или что я не впечатлился. На самом деле я оторопел от собственной крутизны – так вытащить меч из реки! Всегда мечтал обзавестись суперсилой. Правда, раньше я не предполагал, что моя суперсила в выгребании мусора со дна рек. Волонтёры из сокопеки отныне должны меня на руках носить.

– Сосредоточься, Магнус! – призвал дядя Рэндольф. – Быстрее, пока...

В полусотне футов от нас, на середине моста, вдруг что-то взорвалось и полыхнуло. Взрывной волной меня придавило к перилам. Мою правую щёку как солнцем опалило. Пешеходы вопили. Автомобили крутились и сталкивались.

И почему-то я как последний идиот побежал к месту взрыва. Я словно сам себя не контролировал. Рэндольф шаркал следом, выкрикивая моё имя, но его голос казался далёким и неважным.

Огонь плясал на крышах автомобилей. От жара лопались окна, и вся дорога была усыпана мелкими осколками. Водители выбирались из машин и пускались наутёк.

Такое впечатление, что посреди моста упал метеор. В асфальте дымила воронка с обгорелыми краями, шириной футов десять. И в самой зоне поражения стояла фигура – судя по росту, вроде бы человеческая. Тёмный человек в тёмной одежде.

Когда я говорю «тёмный», я имею в виду, что его кожа была чистейшего, прекраснейшего оттенка чёрного, какой я только встречал в своей жизни. Чернее чернил каракатицы на ночном небе. И приделся он тоже в тон: изящно скроенный пиджак, широкие брюки, накрахмаленная до хруста сорочка и галстук – всё это из ткани цвета нейтронной звезды¹⁷. Нечеловечески красивое лицо словно выточили из обсидиана. Чёрные волосы чёрный человек безукоризненно гладко зачесал назад. Его зрачки горели багровым, как крошечные кусочки лавы.

Если бы сатана существовал, он выглядел бы в точности как этот чувак.

Хотя нет. Сатана рядом с ним – просто замызганный нищеврод. Этот чувак мог бы наняться к сатане стилистом.

Красные глаза вперились в меня.

– Магнус Чейз, – произнёс глубокий раскатистый голос. В нем угадывался лёгкий акцент: то ли немецкий, то ли скандинавский. – Ты принёс мне подарок.

Между нами стояла брошенная «Тойота Королла». Стилист сатаны прошёлся по кузову, как паяльник по воску. Расплавленная «Тойота» распалась на скворчащие половинки за его спиной. Покрышки растеклись в резиновые лужи.

– У меня для тебя тоже припасён подарок. – Тёмный человек протянул руку. Из-под рукава, окутывая эбонитовые пальцы, курился дымок. – Отдай мне меч, и я сохраню тебе жизнь.

¹⁷ Поскольку нейтронных звёзд невооружённым глазом пока никто не видел, вероятно, Магнус имел в виду то, как их изображают иллюстрации и образовательные видеоролики: чёрные с яркими вкраплениями.

Глава 6. Дорогу утятам! Или получите утятами по башке

МНЕ СЛУЧАЛОСЬ ВИДЕТЬ СТРАННЫЕ ВЕЩИ. Однажды посреди зимы на Бойл-стон-стрит я видел толпу людей, одетых исключительно в плавки и в шапки Санта-Клауса. Я видел парня, который играл носом на губной гармошке, ногами на ударной установке, руками на гитаре и задницей на ксилофоне – и всё одновременно. Я лично знал женщину, которая удочерила магазинную тележку и назвала её Кларенс. А ещё был дядька, который твердил, что он с Альфа Центавра, и вёл философские беседы с канадскими гусями.

А что касается сатанинского манекенщика, умеющего плавить автомобили... в конце концов, почему нет? Просто-напросто надо ещё чуть-чуть расширить сознание, чтобы вместить и эту странность тоже.

Тёмный человек так и ждал с протянутой рукой. Воздух вокруг него колыхался от жара.

Где-то в сотне футов от нас затормозила электричка красной линии. Женщина-машинист тарашилась из кабины на царящий впереди хаос. Двое бегунов пытались вытащить парня из «Тойоты Приус». Дамочка с двойной коляской отстёгивала своих вопящих детишек – колясочные колёса расплавились и сделались овальными. А рядом с ней торчал какой-то придурок и, вместо того чтобы помогать, снимал на смартфон всеобщее разрушение. Правда, рука у него так дрожала, что вряд ли ему светило качественное видео.

У моего плеча раздался голос Рэндольфа:

– Меч, Магнус! Используй его!

Почему-то возникло неприятное ощущение, что мой взрослый дородный дядюшка попросту прячется у меня за спиной.

Чёрный человек сдавленно фыркнул:

– Профессор Чейз... Восхищён вашим упорством. Мне казалось, наша последняя встреча сломила ваш дух. Но вот вы здесь и, как я погляжу, готовы рискнуть ещё одним родственником!

– Помолчи, Сурт! – огрызнулся дядя дрожащим голосом. – У Магнуса меч! Убирайся назад в пламя, отколе пришёл!

Не похоже, чтобы Сурт повёлся. Хотя, как по мне, «отколе» звучит невероятно устрашающе.

Жгучий Чувак рассматривал меня, словно я сам, как меч, с головы до пят зарос ракушками:

– Отдай мне меч, мальчик, иначе изведешь всю мощь Муспелля. Я испепелю этот мост и всех, кто на нём. – Сурт поднял руки. Между его пальцев змеились языки пламени. Асфальт под его ногами пузырился. Ещё несколько лобовых стёкол разлетелось вдребезги. Рельсы застонали. Машинистка электрички отчаянно заголосила в рацию. Придурок со смартфоном грохнулся в обморок. Мамашка рухнула на коляску, где всё так же надрывались малыши. Рэндольф с кряхтением попятился.

Но меня Суртов жар не вырубил. Я только разозлился. Я без понятия, откуда вылез этот огненный поганец, но на таких задиристых у меня глаз наметан. Первое уличное правило гласит: если кто-то нарывается – не отдавай ему своё добро.

Поэтому я нацелил на Сурта кончик того-что-когда-то-было-мечом:

– Остынь, мужик. У меня есть ржавая железка, и я не побоюсь пустить её в ход.

Сурт ухмыльнулся:

– Ты не воин, как и твой отец.

Я стиснул зубы. «Ладно, – подумал я, – пора подправить хлыщу костюмчик». Но предпринять я ничего не успел. Потому что мимо моего уха что-то просвистело и влетело Сурту прямо в лоб.

Будь это настоящая стрела, Сурту бы несдобровать. Но ему повезло: это оказалась пластиковая игрушка с сердечком-пищалкой вместо наконечника – надо полагать, новинка ко Дню святого Валентина. Игрушечная стрела громко чпокнула у Сурта между глаз, упала к его ногам и тут же растаяла.

Сурт заморгал. Похоже, он растерялся не меньше моего.

А за моей спиной знакомый голос гаркнул:

– Беги, малыш!

На мост ворвались мои закадычные приятели – Блитц и Хэрт. Хотя... я сказал «ворвались». Это подразумевает эффектное появление. А на самом деле ничего эффектного. Блитц неизвестно зачем нахлобучил широкополую шляпу и нацепил солнечные очки. Во всём этом и в своей чёрной шинели он смахивал на облезлого итальянского священника-коротышку. При этом он грозно размахивал деревянной палкой с ярко-жёлтым дорожным знаком «Дорогу утятам!».

Красно-белый шарф Хэрта реял за его плечами, как крылья раненой птицы. Хэрт вставил ещё одну стрелу в розовый пластиковый лук Амура и снова выстрелил в Сурта.

Да будут благословенны их бесхитростные полоумные души. Я даже сообразил, откуда у них это нелепое вооружение – из игрушечного магазина на Чарльз-стрит. Я, случалось, побирался рядом и видел весь этот хлам, выставленный в витрине. Вероятно, Блитц и Хэрт как-то умудрились меня выследить. В спешке они схватили первое, что мало-мальски смахивало на орудия убийства. Они ведь всего-навсего чокнутые бомжи, поэтому в орудиях убийства смысла не много.

Тупо и бессмысленно? Ещё как. Но у меня потеплело на сердце от такой заботы.

– Я тебя прикрою! – Блитц кинулся ко мне. – Беги!

Сурт не ожидал, что его атакуют легковооружённые бомжи. Он стоял как истукан, а Блитц между тем звезданул ему по башке табличкой «Дорогу утятам!». Очередная Хэртова стрела просвистела в воздухе и, пискнув, тюкнула меня в зад.

– Эй! – возмутился я.

Но Хэрт меня не услышал – он же глухой. Он промчался мимо и с головой окунулся в битву, от души врезав Сурту по груди пластиковым луком.

Дядя Рэндольф вцепился мне в руку. Он очень тяжело дышал:

– Магнус, уходим! Давай же!

Может, мне и надо было бежать сломя голову, но я словно примёрз к месту и наблюдал, как два моих единственных друга мутузят тёмного властелина пламени дешёвыми пластиковыми игрушками.

Наконец Сурту надоело так развлекаться. Он наотмашь ударил Хэрта левой рукой, и тот полетел наземь. Потом он так мощно засветил Блитцу в грудь, что невысокий бомж попятился, споткнулся и шлёпнулся на задницу прямо передо мной.

– Довольно. – Сурт простёр руку. Из открытой ладони рвалось пламя – оно извивалось и вытягивалось, пока не превратилось в кривую саблю. – Мне это наскучило. Вы все умрёте.

– Боговы галоши! – заикаясь, просипел Блитц. – Да это же не просто огненный великан. Это Чёрный!

Я чуть не ляпнул: а что, типа есть Жёлтый? Но при виде пламенеющей сабли шутить расхотелось.

Вокруг Сурта начало вихриться пламя. Огненная спираль разрасталась, машины превращались в груды оплавленных железяк, асфальт растекался, из моста, как пробки из шампанского, выстреливали заклёпки.

Мне-то казалось, что и до этого ощутимо припекало. Но, как выяснилось, Сурт только разогревался, а вот сейчас-то он поддаст жару. В тридцати футах от меня Хэрт навалился на перила моста. Пешеходы, лежащие без сознания, и пойманные в западню водители долго не протянут. Даже если огонь до них не доберётся, они либо задохнутся, либо загнутся от теплового удара. А вот на меня почему-то жар не действовал.

Рэндольф неуклюже топтался, повиснув всей тяжестью у меня на руке:

– Я... я... Хммм... ммм...

– Блитц, уведи моего дядю отсюда, – попросил я. – Если надо, тащи волоком.

Блитцевы солнечные очки запотели. Поля его шляпы уже начали тлеть.

– Малыш, тебе не одолеть его. Это Сурт, сам Чёрный!

– Ты это уже говорил.

– Но мы с Хэртом... мы обязаны тебя защищать!

Я чуть было не рявкнул: «Тоже мне защитник с утятами!» Но если подумать – чего ждать от двух бездомных горемык? Они же не командос. Они просто мои друзья. И я не допущу, чтобы они погибли, защищая меня. И даже дядя Рэндольф... Я, конечно, его почти не знаю. И он мне не очень-то нравится. Но всё-таки он родня. Он сам сказал, что не вынесет, если потеряет ещё одного члена семьи. Ну вот и я тоже не вынесу. Так что в этот раз я отступать не собирался.

– Иди, – велел я Блитцу. – Я помогу Хэрту.

Блитц как-то ухитрился удержать моего дядюшку в стоячем положении, и они вместе поковыляли прочь.

А Сурт расхохотался:

– Меч будет моим, мальчик. Тебе не под силу изменить судьбу. Я превращу твой мир в золу!

Я развернулся к нему лицом:

– Знаешь, ты что-то меня достал. Пора уже тебя убить.

И я шагнул в огненную стену.

Глава 7. Без носа очень даже неплохо, честно

ВЫ, НАВЕРНОЕ, ОПЕШИЛИ. Ого, Магнус, сказали вы, ну, ты это... дал маху!

Спасибо. Бывают и у меня минуты славы.

Обычно я не хожу сквозь огненные стены. Но откуда-то появилась уверенность, что пламя не причинит мне вреда. Да, я знаю, звучит это диковато, но я ведь до сих пор не отключился. Жар не так уж сильно на меня действовал – даром что асфальт растекался под ногами.

На меня экстремальные температуры вообще не особо влияют. Не знаю, почему. Бывают, например, гуттаперчевые люди. Или люди, умеющие двигать ушами. А я вот могу спать зимой на улице и не замёрзнуть до смерти или держать ладонь над горящей спичкой и не обжечься. Я иногда выигрывал пари в ночлежках, но никогда не считал, что это что-то... магическое. И мне не приходило в голову проверять границы своих возможностей.

Короче, я прошёл через огненную завесу и с размаху втемяшил Сурту по кумполу своим ржавым мечом. Потому что я, знаете ли, человек слова.

Сурт, правда, остался целёхонек. Зато пламенный вихрь утихомирился. Сурт пялился на меня долю секунды – было видно, что чувак обалдел. А потом он врезал мне в живот.

Драться мне доводилось. Но не с огненным боксёром-тяжеловесом по прозвищу Чёрный.

Я сложился пополам, как складной стульчик. Перед глазами всё поплыло и начало тротиться. Когда мне удалось сфокусировать взгляд, выяснилось, что я стою на четвереньках. А передо мной на асфальте дымится рвотная лужа из молока, индейки и крекеров.

Сурт мог бы оттяпать мне голову своей огненной саблей, но, по всей видимости, счёл, что для меня это много чести. Он шагнул ко мне и произнёс:

– Слабак. – Сурт поцокал языком. – Изнеженный мальчуган. Отдай мне меч подобру-поздорову, ты, ванское отродье. И умри лёгкой смертью.

Ванское отродье?

Крепких обзывательств я в жизни наслушался немало, но это было что-то новенькое.

Я всё ещё сжимал в руке ржавый меч и ощущал, что металл пульсирует в моей ладони. Точно у меча бьётся сердце. От клинка прямо мне в уши передавалось какое-то гудение – так гудит заведённый двигатель.

«В твоей власти пробудить его», – так сказал Рэндольф.

Я уже почти верил, что всё это гудение и биение и есть пробуждение древнего оружия. Только лучше бы оно пробуждалось поскорее. А пока Сурт саданул мне по рёбрам, и я шмякнулся навзничь на асфальт.

Я лежал на спине, разглядывая дым в зимнем небе. Видимо, от Суртова удара у меня начались предсмертные глюки. В сотне футов надо мной, как стервятник над полем боя, кружилась девушка, облачённая в доспехи. Она восседала на туманном скакуне, держа в руках копьё из чистого света. Её кольчуга сверкала, как серебряное зеркало. Голову поверх зелёного платка покрывал остроконечный стальной шлем – как у средневековых рыцарей. Лицо у всадницы было красивое, но суровое. На короткое мгновение наши глаза встретились.

«Если ты настоящая, – мысленно взмолился я, – помоги».

Девушка растаяла в дыму.

– Меч, – потребовал Сурт. Обсидиановое лицо нависло надо мной. – В мече, полученном с твоего согласия, ценности больше, но, если придётся, я вырву его из твоих мёртвых пальцев.

Где-то вдалеке выли сирены. Интересно, а почему спасательные службы не мчатся сюда сломя голову? Я вспомнил о двух мощных взрывах в Бостоне. Значит, их тоже устроил Сурт? Или подрядил своих таких же знойных дружков?

Хэрт у края моста кое-как поднимался на ноги. Некоторые пешеходы, прежде лежавшие без движения, зашевелились. Рэндольфа и Блитца не было видно. Надеюсь, они уже далеко отсюда.

Если подольше отвлекать Горячего Парня, возможно, у случайных прохожих будет время удрать.

Каким-то образом я встал.

И посмотрел на меч... Да, вне всяких сомнений, это глюки.

Вместо ржавого куска трубы у меня в руке было самое что ни на есть оружие. Рукоять в кожаной обмотке тепло и удобно легла в ладонь. Навершие – простой отполированный овал из стали – отлично уравнивало тридцатидюймовый клинок с двумя лезвиями и с округлым кончиком. Такое оружие скорее рубящее, а не колющее. На широком желобке посреди клинка блестели скандинавские руны – похожие на те, что я видел в кабинете Рэндольфа. Руны были более светлого оттенка серебра – как будто их инкрустировали, когда ковали меч.

И сейчас меч гудел уже отчётливо – совсем как человеческий голос, пытающийся взять верную ноту.

Сурт отступил. Багровые лавовые глаза беспокойно замерцали:

– Ты не знаешь, что держишь в руке, мальчик. И не узнаешь, потому что не доживёшь.

И Сурт вскинул саблю.

Практического опыта обращения с мечами у меня нет. Правда, в детстве я двадцать шесть раз посмотрел фильм «Принцесса-невеста», но это вряд ли считается¹⁸. Поэтому Сурт мог играючи меня располовинить. Но у моего оружия на этот счёт имелись другие планы.

Держали когда-нибудь на пальце крутящийся волчок? Он вертится, а вы чувствуете, как он двигается сам по себе, наклоняясь в разные стороны. С мечом было почти так же. Он махал сам по себе, отражая удары Суртова пламенного клинка. А потом взметнулся вверх и, потащив меня за собой, прочертил в воздухе дугу. И рубанул Сурта по правой ноге.

Чёрный заорал. Рана на его бедре горела и дымилась, брюки полыхали. Кровь шипела и блестела, она текла, словно лава из вулкана. Огненная сабля растворилась.

Не успел Сурт очухаться, как мой меч подскочил вверх и шарахнул его по лицу. Сурт взвыл и попятился, прикрывая лицо сложенными ковшиком ладонями.

Слева от меня раздался вопль – это кричала женщина с малышами. Хэрт пытался помочь ей и вытащить детишек из коляски. Коляска дымилась и грозила вот-вот вспыхнуть.

– Хэрт! – гаркнул я, в очередной раз забыв, что кричать бесполезно.

Пока Сурт был занят своей физиономией, я проковылял к Хэрту и показал ему на мост:

– Уходи! Забери отсюда детей!

Он прекрасно читает по губам, но суть прочитанного ему не понравилась, и он решительно затряс головой, пристраивая одного из карапузов себе на руки.

Женщина тем временем укачивала второго.

– Уходите, – сказал я ей. – Мой друг вам поможет.

Женщину уговаривать не пришлось. Хэрт, бросив на меня выразительный взгляд «а вот это ты зря», двинулся за ней. Малыш скакал у него на руках вверх-вниз, выкрикивая: «Ай! Ай! Ай!»

Все остальные невинные свидетели происходящего по-прежнему торчали на мосту: водители не могли двинуться ни туда ни сюда в своих машинах, пешеходы шатались вокруг с ошалелыми глазами, в дымящейся одежде и с красной, как у кальмаров, кожей. Сирены раздавались уже ближе, но, положив руку на сердце, я не представлял, какой толк от полиции или «Скорой», если Сурт и дальше будет жечь направо и налево.

¹⁸ Это можно считать если не тренировкой, то теоретической подготовкой к поединку с Суртом: в качестве главного злодея в этом американском фильме 1987 года выступает человек в чёрном.

– Мальчик! – Чёрный говорил так, будто полоскал горло сиропом.

Когда он отнял руки от лица, я понял, откуда этот полоскательный звук. Мой самоуправляющийся меч напрочь отрубил Сурту нос. Раскалённая кровь стекала по его щекам, усеивая асфальт шипящими каплями. Суртовы штаны совсем сгорели, и теперь миру явились красные трусы-боксеры с узором в виде пламени. Между трусами и новообретённым пятачком он смотрелся как адская версия поросёнка Порки¹⁹.

– Довольно я терпел тебя, – пробубльнул Сурт.

– Я, кстати, то же самое про тебя подумал, – сообщил я, поднимая меч. – Ты его хотел? Так иди и возьми.

Сейчас-то я понимаю, что сморозил глупость.

Краем глаза я опять заметил видение – юная всадница, как хищная птица, кружилась надо мной и выжидала.

Сурт, вместо того чтобы наброситься на меня, нагнулся и голыми руками вырвал из тротуара кусок асфальта, который тут же превратился в раскалённое докрасна дымящееся ядро, консистенцией напоминающее ту пакость, что выгребают из раковины при засорах. И этим мерзким ядром Сурт сделал прямую подачу в мой живот. В бейсболе это называется фастбол.

Два слова о бейсболе: одна из многих игр, в которых я не силён. Я махнул мечом в надежде отбить подачу – и не отбил. Асфальтовое ядро впечаталось в мой живот и осталось там – жгучее, терзающее, смертоносное.

У меня перехватило дыхание. От невыносимой боли в теле пошла цепная реакция: клетки точно взрывались одна за другой.

Несмотря на это на меня внезапно снизошёл странный покой: я умирал. Я уже не вернусь отсюда. Но что-то во мне упрямо твердило: «Ну что ж. Умирать – так с музыкой».

Перед глазами туманилось. Меч гудел и подёргивался в руке, но рук я уже почти не чувствовал.

Сурт разглядывал меня с ухмылкой на обезображенном лице.

«Ему нужен меч, – подумал я. – Он его не получит. Если я умру, то пускай уж не один».

Я с трудом поднял свободную руку. И сделал жест, который легко поймёт даже тот, кто не знает языка глухих.

Сурт взревел и бросился на меня.

И только он приблизился – как мой меч кинулся вверх и пронзил его. А я из последних сил вцепился в Сурта, увлекая его вниз через перила моста.

– Нет! – Сурт вырывался, изрыгая пламя, пинался и пытался выковырять из себя меч.

Но я держал крепко. Так мы и канули в реку Чарльз все вместе – Сурт, мой меч, всё ещё воткнутый в него, и я с пылающим комком асфальта в животе. Небо сверкнуло и пропало. Меня в третий раз посетило видение – юная всадница скакала ко мне навстречу, протягивая руку.

Бултых! Я ударился о воду.

И тут я умер. Конец.

¹⁹ *Поросёнок Порки* – персонаж мультипликационного сериала «Луни Тюнз» («Безумные мелодии»).

Глава 8. Мертвецкий сон, или Берегись косматого мужика с топором!

...А ПОТОМ НАЧАЛСЯ УЧЕБНЫЙ ГОД. Обожаю такие концовки.

Согласитесь, что это идеальный финал: у Билли начался учебный год. Он отлично провёл первый день в школе. А потом умер. Конец.

Никаких недомолвок и неясностей. Не отнять, не прибавить.

Но, к несчастью, в моей истории про учебный год речи не шло.

Вы, возможно, скажете: «Ой, Магнус, да ты же не взаправду умер. Иначе как бы ты всё это рассказывал? Ты оказался на волосок от смерти, это да. Чудесное спасение и тэдэ и тэпэ».

А вот и нет. Я умер взаправду. Окончательно и бесповоротно: в животе дыра, жизненно важные органы сожжены, голова разбита о лёд при падении со стофудовой высоты, в лёгких полно ледяной воды.

На медицинском языке всё это называется «смерть».

«О-о-о, Магнус, – спросите вы, – ну и каково это?»

Очень тронут вашей заботой. Это больно. И даже очень.

И ещё я начал видеть сны, что само по себе странно. Странно не только из-за того, что я умер, а ещё из-за того, что я никогда не вижу снов. Со мной многие пытались спорить по этому поводу. Мне твердили: все видят сны, просто не все их помнят. Но я говорю вам: я всегда спал как убитый. Пока меня не убили. И вот тогда я начал видеть сны как нормальный человек.

Во сне мы с мамой отправились в поход на Синие холмы. Мне было, наверное, лет десять. Стоял погожий летний денёк, прохладный ветерок шевелил сосновые кроны. Мы остановились на берегу пруда Хоутон, чтобы покидать блинчики. У меня получилось три блинчика подряд. У мамы четыре. Она всегда выигрывала, но никто из нас по этому поводу не переживал. Мама со смехом обняла меня, и мне этого было вполне достаточно.

Мне довольно трудно описывать маму. Чтобы понять Натали Чейз, надо с ней познакомиться. Она всё шутила, что её тотемное существо – это фея Динь-Динь из «Питера Пэна». Вот и представьте себе фею Динь-Динь, только без крыльев – лет тридцати с хвостиком, одетую во фланель, джинсу и ботинки «мартенсы». И получится моя мама. Она была невысокая и хрупкая, с тонкими чертами лица, со светлыми, стриженными под мальчика волосами и с глазами цвета зелёной листвы – в этих глазах всегда искрился смех. Когда мама читала мне книжки, я смотрел на россыпь веснушек у неё на носу и пытался сосчитать их.

Она излучала радость. По-другому, пожалуй, и не скажешь. Она любила жизнь. И она заражала своим энтузиазмом. Мама была самым добрым, самым беззаботным человеком на свете... вплоть до своих предсмертных недель.

Но во сне до этих недель было ещё далеко. Мы стояли рядом на берегу пруда. Мама глубоко вдохнула, вбирая лёгкими тёплый аромат сосновых иголок.

– Здесь я встретила твоего отца, – сказала она. – Летним днём, похожим на этот.

Я удивился её словам. Она почти никогда не говорила об отце. Я ни разу с ним не встречался, не видел его фотографии. Это, наверное, странно прозвучит, но мама как будто не придавала особого значения их с отцом отношениям. И я, по её примеру, тоже не придавал.

Она сумела донести до меня мысль, что отец нас не бросал. Он просто ушёл своим путём. И мама не расстраивалась. Она бережно хранила память о том недолгом времени, когда они были вместе. А когда это время закончилось, она обнаружила, что беременна мной. И ужасно обрадовалась. С тех пор мы с ней всегда оставались вдвоём. И никто другой нам не был нужен.

– Ты встретила его на пруду? – спросил я. – А он хорошо кидал блинчики?

Мама рассмеялась:

– О, ещё как хорошо! Меня всухую уделал. В тот первый наш день... всё было чудесно. И не хватало лишь одного. – Мама притянула меня к себе и чмокнула в лоб. – С нами не было тебя, солнышко.

Ну да. Мама звала меня «солнышком». Можете смеяться, если охота. Я стал старше, и это «солнышко» раздражало меня, но мама так и звала меня всю свою жизнь. Сейчас я бы многое отдал, чтобы услышать, как она зовёт меня «солнышком».

– А каким был мой папа? – поинтересовался я. Так непривычно было произносить эти слова: «мой папа». Как кто-то может быть «твой», если ты в жизни его не видел? – И что с ним случилось?

Мама протянула руки к солнцу:

– За этим я тебя сюда и привела. Чувствуешь? Он повсюду вокруг нас.

Я не понял, что она имела в виду. Обычно она обходилась без всяких иносказаний. Моя мама – это образец прямоты и ясности суждений.

Она взъерошила мне волосы:

– Давай наперегонки к берегу.

Тут сон изменился. Теперь я стоял в кабинете дяди Рэндольфа. Вдоль стола лениво прохаживался какой-то незнакомец и водил пальцем по старинным картам из дядиной коллекции.

– Смерть – это интересный выбор, Магнус. – Незнакомец широко улыбнулся.

Одет он был с иголочки: ослепительно-белые кроссовки, новёхонькие джинсы и игровая футболка «Ред Сокс»²⁰. Волосы, стриженные перьями и уложенные в модную причёску «я-только-что-с-постели-но-смотрите-как-я-крут», пестрели рыжими, каштановыми и соломенными прядями. Лицо у незнакомца было неправдоподобно красивое. Чувака без вопросов взяли бы в любой мужской журнал рекламировать лосьон после бритья – если бы не шрамы. Его переносицу и скулы пересекали рубцы от ожога – совсем как трещины на Луне. И вокруг рта у него тянулась цепочка дырок – может, остались после пирсинга? Хотя зачем, казалось бы, человеку столько раз губы прокалывать?

Я не знал, с чего начать разговор с шрамированной галлюцинацией. И поскольку в ушах у меня ещё звучали мамины слова, я осведомился:

– Это вы мой отец?

Галлюцинация удивлённо подняла брови. А потом запрокинула голову и расхохоталась:

– О, ты мне нравишься! Нам с тобой будет весело. Нет, Магнус Чейз, я не твой отец, но я точно на твоей стороне. – Он обвёл пальцем эмблему «Ред Сокс» на футболке. – С моим сыном ты скоро познакомишься. А пока прими маленький совет. Имей в виду: внешность обманчива. И благие намерения твоих товарищей тоже обманчивы. И кстати, – он резко подался вперёд и ухватил меня за запястье, – передай от меня привет Всеотцу.

Я попробовал вырваться, но хватка у него оказалась стальная. Сон опять изменился. В этот раз я летел сквозь серый холодный туман.

– Хватит вырываться! – произнёс женский голос.

За запястье меня теперь держала та девушка, которая кружилась надо мной на мосту. Она неслась по воздуху на своём призрачном коне, волоча меня за собой, как мешок с грязным бельём. За спиной у неё висело сверкающее копье. Кольчуга поблёскивала в сером свете.

Девушка сжала мне руку крепче:

– Ты что, хочешь нырнуть в Гиннунгагап?

В какой ещё... Гап? В любом случае вряд ли речь идёт о магазине одежды²¹. Глядя вниз, я видел только серую бесконечность. И решил, что падать в неё не хочу.

Я попытался заговорить, но не смог. И слабо мотнул головой.

²⁰ «Red Socks» («Красные носки») – бостонская профессиональная бейсбольная команда.

²¹ Магнус имеет в виду Gap, культовый американский бренд.

– Тогда не вырывайся, – приказала девушка. Несколько тёмных прядей высвободились из-под зелёного платка под её шлемом. Глаза девушки были оттенка красного дерева. – И смотри, как бы мне жалеть не пришлось, – сказала она.

В этом месте я потерял сознание.

Я резко вдохнул и очнулся. Каждая клеточка моего тела встревоженно вибрировала.

Я уселся и ощупал себя, ожидая, что на месте живота и всех полагающихся внутренностей у меня зияет выжженная дыра. Но почему-то дымящегося куска асфальта у себя внутри я не нащупал. Ничего не болело. Диковинный меч куда-то запропастился. И главное – моя одежда оказалась в полном порядке: не обгорела и не порвалась.

На самом деле одежда была даже чересчур в порядке. Все, что я носил не снимая неделями – моя единственная пара джинсов, несколько футболок и фуфаяк, куртка, – всё это не воняло. Всё словно только что постирали, высушили и, пока я лежал без сознания, надели на меня. И это вселяло некоторое беспокойство. От одежды даже немножко пахло лимоном – как в те старые добрые времена, когда вещи мне стирала мама. И ботинки были будто новенькие – блестели, как в тот самый день, когда я выудил их из помойки на задворках магазина «Марафон спорта».

И что уж совсем поразительно: я сам был чистый. Руки не покрывал налёт глубоко въевшейся грязи. Кожу, по ощущениям, отскоблили дочиста. Я провёл пятернёй по волосам – никаких колтунов, листьев и прочего сора.

Я медленно поднялся на ноги. На мне не было ни царапинки. Я пружинисто попрыгал. Да я сейчас спокойно милю пробегу! Я вдохнул аромат дыма из каминов и приближающейся метели. И почти рассмеялся от радости: я каким-то чудом выжил!

Правда... это ведь невозможно.

Тогда где я?

Постепенно мои органы чувств исследовали окружающее пространство. Я стоял во дворе роскошного особняка, из тех, что красуются на Бикон-стрит, – восемь этажей подпирают зимнее небо, повсюду пафосный белый камень и декор из серого мрамора. Двойные двери из тёмного дерева окованы железом. И посередине каждой створки – дверной молоток в форме волчьей головы. В натуральную величину.

Волки... Что-то мне здесь уже не нравится.

Я оглянулся в поисках выхода на улицу, но никакого выхода не нашёл. У меня за спиной тянулась сплошная стена из белого камня футов пятнадцати в высоту. И так вдоль всего двора. Но это же странно: чтобы стена – и без ворот?

За стеной я видел не очень много, но было вполне очевидно, что это Бостон. Вон вдалеке торчат небоскрёбы района Даунтаун Кроссинг. Судя по всему, я на Бикон-стрит, между мной и небоскрёбами – парк Бостон Коммон. Но как меня сюда занесло?

В одном углу двора росла высокая берёза с чисто белой корой. Я подумал было влезть на неё и осмотреться, но оказалось, что нижние ветки слишком высоко. И тут до меня дошло, что ветки-то все в листве – немного странно для середины зимы. И ладно бы одно это: листья берёзы блестели, точно кто-то покрыл их краской из золота высшей пробы.

Возле дерева к стене была привинчена бронзовая табличка. Я сперва не обратил на неё внимания: такие памятные доски – у половины бостонских домов. Приглядевшись, я увидел, что надпись сделана на двух языках. Первый был древнескандинавский, я уже узнавал эти буквы. А второй – английский:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РОЩУ ГЛАСИР!
ПОПРОШАЙНИЧАТЬ И ПРАЗДНО ШАТАТЬСЯ ЗАПРЕЩАЕТСЯ.
СЛУЖБЫ ДОСТАВКИ ПРОСИМ ВХОДИТЬ ЧЕРЕЗ НИФЛЬХЕЙМ.

Как скажете... Хотя, пожалуй, на сегодня мой лимит чудес исчерпан. Надо валить отсюда. Перелезу через стену, выясню, что там с Блитцем и Хэртом и, возможно – если буду добрый, – с дядей Рэндольфом тоже. А после этого рвану автостопом в Гватемалу. С этим городом пора завязывать.

И тут деревянные двери со стоном раскрылись внутрь, и наружу выплеснулся ослепительный золотой свет.

На пороге стоял грузный дядька, одетый в форму швейцара: цилиндр, белые перчатки, тёмно-зелёный сюртук с фалдами. На лацкане был вышит вензель «ОВ». Но при всём при том дядька меньше всего напоминал швейцара. Бородавчатое лицо было всё в золе. Бороду он не стриг десятилетиями. Налитые кровью глаза выдавали в нем убийцу. И вдобавок на поясе у дядьки висел двулезвийный топор. На бейджике с именем значилось: «ХУНДИНГ, САКСОНИЯ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК С 749 г. в. э.»

– П-пппростите, – пролепетал я. – Я... ммм... наверное, дверью ошибся.

Дядька нахмурился, прошаркал поближе и понюхал меня. От него самого разило скипидаром и горелым мясом.

– Дверью ошиблись, говорите? Ну, это вряд ли. Вам надо зарегистрироваться.

– Э-э-э... что?

– Вы же умерли, так? – сказал дядька. – Идёмте за мной. Я покажу, где регистрируют.

Глава 9. Ключ от мини-бара? Дайте два!

ЕСЛИ Я СКАЖУ, что внутри это место оказалось куда просторнее, чем снаружи, вы удивитесь? Не думаю.

Одно фойе потянуло бы на нехилые охотничьи уголья. Места тут было раза в два больше, чем особняк занимал снаружи. Целый акр деревянного пола покрывали шкуры разных экзотических зверей: зебр, львов и ещё какой-то сорокафутовой рептилии, которую я бы не хотел встретить живьём. У правой стены потрескивал камин размером со спальню. Перед ним на мягких кожаных диванах развалились несколько старшеклассников в пушистых зелёных банных халатах. Ребята смеялись и попивали что-то из серебряных кубков. Над каминной полкой нависала волчья голова.

«Опять двадцать пять! – мысленно проворчал я. – И тут волки».

Потолок подпирали грубо обтёсанные брёвна. Стропилами служили копыя. На стенах сияли начищенные щиты. И казалось, всё излучает свет: тёплое золотое свечение резало глаза – как бывает, когда выйдешь летом в погожий день из тёмного кинозала.

Посреди фойе возвышался стенд с объявлением:

РАСПИСАНИЕ НА СЕГОДНЯ

10.00, зал Осло – единоборство не на жизнь, а на смерть

11.00, зал Стокгольма – командные бои не на жизнь, а на смерть

12.00, трапезная – шведский стол не на жизнь, а на смерть

13.00, двор – всеобщая битва не на жизнь, а на смерть

16.00, зал Копенгагена – биркам-йога²² не на жизнь, а на смерть (просьба захватить свои коврики!)

Швейцар Хундинг сказал что-то, но в голове у меня уже так звенело, что я не расслышал:

– Простите, что вы сказали?

– Багаж, – повторил Хундинг. – У вас есть багаж?

– Э-э-э... – Я потянулся к ляжке на плече. Похоже, мой рюкзак не пожелал воскресать вместе со мной. – Нет.

– Нынче все без багажа, – проворчал Хундинг. – Вам что, ничего не кладут в погребальный костёр?

– Куда не кладут?!

– Не суть. – Швейцар бросил хмурый взгляд в дальний угол фойе – там лежал корабль, перевёрнутый килем вверх. Он-то и служил стойкой администратора. – Полагаю, нынче и костры-то не в моде. Идёмте.

Человек за килем, видимо, стригся у того же парикмахера, что и Хундинг. Борода его была так огромна, что ей впору было присвоить почтовый индекс. Волосы напоминали натюрморт «Индейка врезалась в лобовое стекло». На нём был травянисто-зелёный костюм в тонкую полоску. На бейдже значилось: «ХЕЛЬГИ, УПРАВЛЯЮЩИЙ, ВОСТОЧНЫЙ ГОТЛАНД, ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК С 749 г. в. э.»

– Добро пожаловать! – Хельги оторвался от монитора и взглянул на меня. – Хотите зарегистрироваться?

– Я...

– Заселение с пятнадцати ноль-ноль, – сообщил он. – Если вы скончались раньше, гарантировать, что ваш номер успели подготовить, не могу.

²² Биркам-йога (или «горячая йога») – вид йоги, которым занимаются в хорошо разогретом помещении. Название своё она получила в честь основателя – индийца Биркама Чоудхури.

- Так давайте я снова оживу, – предложил я.
- Нет-нет. – Хельги постучал по клавиатуре. – А, вот и славно. – Он расплылся в широкой улыбке, демонстрируя все три (да-да, три!) зуба. – В рамках акции мы предоставим вам люкс. Хундинг рядом со мной пробурчал сквозь зубы:
- Тоже мне акция. У нас кроме люксов ничего и нет.
- Хундинг... – угрожающим тоном произнёс управляющий.
- Виноват, сэр.
- Не вынуждай меня прибегнуть к палке.
- Хундинг поморщился:
- Ни в коем случае, сэр.
- Я посмотрел сначала на одного, потом на другого, сличая их бейджи.
- Так вы, получается, с одного года тут работаете? – заметил я. – А что значит «в. э.»?
- Всеобщая эра, – пояснил управляющий. – То, что у вас принято называть «новой эрой».
- А чем вам «новая» не нравится?
- Мы используем «всеобщая» из соображений толерантности. «Новая эра» всё-таки содержит намёк на отсчёт от Рождества Христова. А это травмирует психику Тора. Он всё ещё зол на Иисуса за то, что тот не принял его вызов на поединок.
- Чего-чего?
- Это неважно, – заявил Хельги. – Сколько вам ключей? Одного достаточно?
- Я так и не понял, где я. Если вы оба тут с семьсот сорок девятого года – так это больше тысячи лет.
- Ох, и не говорите, – вздохнул Хундинг.
- Но это же невозможно. И... вы сказали, что я умер. Но я не чувствую себя мёртвым. Как раз наоборот.
- Сэр, – терпеливо сказал Хундинг, – вам всё объяснят нынче же вечером на вечернем пиру. Там будут приветствовать новых гостей.
- Вальгалла. – Это слово всплыло из глубин памяти: полузабытая сказка, которую мама читала мне в детстве. – «ОВ» у вас на лацкане... «В» – это «Вальгалла»?
- По глазам Хельги было видно, что терпение его на исходе:
- Да, сэр. Отель «Вальгалла». Мои поздравления. Вам выпала честь пировать в палатах Одина. Мне не терпится послушать повествование о вашем подвиге на сегодняшнем вечернем пиру.
- У меня подогнулись коленки, и я облокотился на стойку, чтобы не упасть. До этого момента мне худо-бедно удавалось убедить себя, что это просто навороченный тематический отель и меня по ошибке приняли за здешнего гостя. Но теперь убеждения не срабатывали.
- Умер, – пролепетал я. – То есть вы утверждаете, что я по-настоящему... по-настоящему...
- Вот ключ от вашего номера. – Хельги вручил мне каменную плашку с руной из той же серии, что я видел в кабинете у Рэндольфа. – Ключ от мини-бара желаете?
- Э-э-э...
- Он желает ключ от мини-бара, – ответил за меня Хундинг. – Сынок, ты желаешь ключ от мини-бара, – сердечно прибавил он, переходя на «ты». – Потому что тебе тут жить долго.
- Насколько долго?
- Всегда, – сказал Хельги. – По крайней мере, до Рагнарёка. Хундинг проводит вас в номер. Приятной загробной жизни. Следующий!

Глава 10. А мой люкс вполне ничего!

Я НЕ ОЧЕНЬ ПОНИМАЛ, куда Хундинг меня ведёт. Было такое ощущение, будто меня раз пятьдесят покрутили, а потом втолкнули в круг. И сказали, что это прикольно.

Каждый новый зал казался громадней предыдущего. Большинство постояльцев отеля выглядели как старшекласники, некоторые чуть постарше. Ребята и девчонки небольшими компаниями сидели, развалившись, возле каминов. Они болтали на разных языках, уплетали всякую всячину или играли в настольные игры вроде шахмат или «Эрудита». А иногда это были игры со всамделишными кинжалами или паяльными горелками. В боковых комнатах стояли бильярдные столы, машины для пинбола²³ и другие старомодные игровые автоматы. А в одном месте я заметил какое-то приспособление, очень напоминающее «железную деву» из камеры пыток.

Среди гостей, разнося подносы с едой и напитками, сновали работники отеля в тёмно-зелёных рубашках. Насколько я успел разглядеть, все официантки были накачанными тётками-воительницами со щитами на спине и мечами или топорами на поясе. Довольно нестандартный подбор кадров для сферы услуг.

Одна тяжеловооружённая официантка прошествовала мимо меня с подносом дымящихся яичных рулетов. У меня в животе сразу заурчало.

– Как я могу быть голодным, если я умер? – спросил я Хундинга. – И вообще тут никто мёртвым не выглядит.

Хундинг в ответ пожал плечами:

– Видишь ли... Есть мёртвые – и есть мёртвые. Ты лучше воспринимай Вальгаллу как своего рода... апгрейд. Ты теперь один из эйнхериев.

Он произнёс это слово как «ин-ХЕРЬЕВ».

– Один из эйнхериев, – повторил я. – И вовсе даже язык ломать не надо.

– Вот-вот. В единственном числе – «эйнхерий». – У него это прозвучало как «ин-ХЕРЬ». – Один избрал нас воинами своего извечного войска. Слово «эйнхерий» часто переводят как «одинокый воин», но это не вполне отражает суть. Это скорее... «бессменный воин». Тот, кто храбро сражался при жизни и снова храбро сразится, когда пробьёт час Гибели Богов. Берегись!

– Богов?

– Нет, копьё!

Хундинг толкнул меня на пол, и мимо нас просвистело копьё. Оно пронзило парня, сидевшего на ближайшем диване, убив его наповал. Напитки, игральные кости, деньги для «Монополии» разлетелись во все стороны. Ребята, с которыми играл убитый, повскакивали на ноги – вид у них был слегка раздосадованный. Все смотрели в ту сторону, откуда прилетело копьё.

– Я всё видел, Джон Карающая Рука! – взревел Хундинг. – В гостиной пронзание запрещено!

Из бильярдной раздался смех, и кто-то что-то сказал... по-шведски? В любом случае голос прозвучал не слишком покаянно.

– Ну ладно. – Хундинг как ни в чём не бывало двинулся дальше. – Лифт вон, уже совсем рядом.

– Погодите! – запротестовал я. – Тут человека проткнули копьём. И вы даже ничего не предпримете?

²³ Пинбол – это игра, где нужно попадать в мишени металлическими шариками, гоняя их по полю с разными препятствиями. Похожа на бильярд, только играют в неё на специальных автоматах.

- О, волки всё приберут.
У меня пульс участился вдвое:
– Волки?!

И правда, пока игроки в «Монополию» собирали разбросанные карточки, в гостиную запрыгнула парочка серых волков. Они сцапали покойника за ноги и куда-то поволокли. Копьё так и осталось торчать в его груди. Кровавый след таял на глазах. Дыра в обивке дивана затянулась сама собой.

А я съёжился за ближайшим фикусом в кадке. Пускай все ржут, мне плевать. Мой страх сильнее меня. У этих волков глаза, конечно, не горят синим огнём, как у тех, что напали на маму, но в качестве символа загробного мира я бы предпочёл тушканчика.

- А разве убивать не запрещено законом? – пропищал я из-за кадки.

Хундинг поднял кустистые брови:

– Это же вроде как для потехи, сынок. К ужину убитый будет как новенький. – С этими словами Хундинг вытянул меня из убежища. – Идём-ка.

Я не успел расспросить подробнее, что это за «потеха» такая, потому что мы пришли к лифту. Вместо дверей у него была решётка из копий, а саму кабинку внахлёст увешивали щиты. Кнопок оказалось столько, что панель тянулась от пола до потолка. На верхней кнопке значилась цифра 540. Но Хундинг нажал на 19.

– Как это: в таком доме – и пятьсот сорок этажей? – удивился я. – Это должно быть самое высокое здание в мире.

– Если бы оно стояло в одном мире, то и было бы самым высоким. Но это здание соединяет все Девять миров. Ты зашёл через Мидгард. Как и большинство смертных.

«Мидгард»... Я смутно припоминал, что викинги будто бы верили в существование девяти различных миров. И Рэндольф тоже сказал это слово – «миры». Но слишком уж давно мама читала мне на ночь скандинавские мифы.

- То есть через мир людей.
– Точно. – Хундинг набрал в грудь побольше воздуха и изрёк:

*Пять сотен дверей
и сорок ещё
в Вальгалле, верно;
восемьсот воинов
выйдут из каждой
для схватки с Волком²⁴.*

Он широко ухмыльнулся:

- Нам неизвестно, когда и где начнётся наш бой.
– А он часто начинается? В смысле, бой?
– Ни разу. Однако... он может начаться в любой момент. Я, признаться, жду не дождусь!

Тогда Хельги наконец отступится от меня и перестанет наказывать!

- Управляющий? А за что он вас наказывает?

Хундинг заметно приуныл:

– Долгая история. Мы с ним... – В этот момент дверь-решётка свернулась. – Да ерунда это всё. – Хундинг хлопнул меня по спине. – Тебе понравится девятнадцатый этаж. Соседи что надо!

²⁴ Хундингу, конечно, ничего не стоит процитировать «Старшую Эдду» в оригинале, то есть на древнеисландском. Но тогда мы его не поймём. Поэтому здесь мы пользуемся переводом А. Корсуна.

Я всегда считал, что коридоры в отелях тёмные, депрессивные и вселяют клаустрофобию. Девятнадцатый этаж? Не так и высоко. Сводчатый потолок высотой футов двадцать вместо балок поддерживали – ну же, угадайте! – конечно, копы. Прямо не отель, а оптовый склад копий. Факелы, вставленные в железные петли, горели, но не чадили, а бросали тёплый оранжевый отсвет на стены, увешанные мечами, щитами и шпалерами. Просторный коридор сгодился бы для игры в футбол по всем правилам. Ковёр кроваво-красного цвета украшали узоры из ветвей деревьев, как бы колышущихся на ветру.

Двери номеров располагались где-то в полусотне футов друг от друга. Все были сколочены из грубо отёсанных дубовых досок и окованы железом. Никаких замков или дверных ручек я не заметил. В середине каждой двери виднелась круглая железная пластина величиной с тарелку – на ней стояло имя в окружении викингских рун.

Первая табличка гласила: «ХАФБОРН ГУНДЕРСОН». Из-за двери слышались крики и лязг металла, как будто там в самом разгаре была схватка на мечах.

На следующей двери значилось: «МЭЛЛОРИ КИН». Из-за этой двери не доносилось ни звука.

Затем: «ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН-МЛ». В номере раздавались хлопки выстрелов. Правда, это больше походило на видеоигру, чем на настоящую перестрелку. (Да, если что – я слышал и то и другое.)

Четвёртая дверь была помечена косым крестом: Х. Перед дверью стояла ресторанный тележка с серебряным подносом. На подносе лежала отрубленная свиная голова.

Не подумайте, я отнюдь не гурман. Я ведь жил на улице, а там выбирать не приходилось. Но свиные головы – это, пожалуй, даже для меня чересчур.

Мы почти дошли до перекладины Т-образного коридора – и тут из-за угла выпорхнула большая чёрная птица. Она мелькнула мимо, едва не оттяпав мне ухо. Я проводил птицу взглядом – это оказался ворон с блокнотом и ручкой в когтях.

– Что это было? – спросил я.

– Ворон, – объяснил Хундинг.

Обожаю исчерпывающие ответы.

Наконец мы остановились возле двери с табличкой «МАГНУС ЧЕЙЗ».

При виде моего имени, выбитого на металле в компании скандинавских рун, меня пробрала дрожь. Робкая надежда, что это какая-то ошибка, розыгрыш на день рождения или вселенская неразбериха, развеялась в пух и прах. Меня ждали в этом отеле. Они даже имя не перепутали – одно это о многом говорит.

Между прочим, «Магнус» означает «великий». Мама назвала меня так потому, что наша семья миллион лет назад произошла от каких-то там шведских королей. Ну, и ещё мама говорила, что назвала меня так потому, что я самое великое чудо в её жизни. Раз, два, три: ЫЫЫЫЫ. Ужас, до чего неудобное оказалось имечко. Все всё время норовили написать «Мангус» – мол, это почти что «мангуст». Я поправлял: нет же, не Мангус, а Ма-гнус. На «ГНУС» заканчивается. В этом месте люди озадаченно хлопали на меня глазами.

Но так или иначе на двери стояло моё имя. Сейчас я её открою – и готово дело: я здешний постоялец. До самой Гибели Богов, если управляющий не соврал.

– Давай. – Хундинг кивнул на рунную плашку у меня в руке. Руна напоминала знак бесконечности или перевёрнутые песочные часы:

– Это «дагаз», – пояснил Хундинг. – Ничего страшного. Символизирует новые начинания, перемены. И открывает твою дверь. Войти сможешь только ты.

Я сглотнул комок в горле:

– А что, если, к примеру, кто-то из персонала захочет попасть в номер?

– О, у нас свои служебные ключи. – И Хундинг похлопал по топору у себя на поясе. Я так и не понял, прикалывается он или нет.

Я поднял рунный камешек. Мне совершенно не хотелось использовать его по назначению. Однако ещё меньше хотелось торчать в коридоре, где есть риск, что тебя пронзит случайное копьё или в тебя врежется ворон, который тут же слиняет с места происшествия. Я безотчётно коснулся руной изображения «дагаз» на двери. Рунный круг вспыхнул зелёным. Дверь распахнулась.

Я шагнул в номер – и челюсть моя грянулась об пол.

Этот самый люкс был прекраснее всех мест, где я когда-либо жил и когда-либо бывал. Включая особняк дяди Рэндольфа.

Словно в полусне, я прошёл на середину люкса – там был открытый атриум. Мои ботинки утонули в густой зелёной траве. Четыре больших дуба обрамляли сад, как колонны. Их нижние ветви тянулись вдоль потолка, обвивая стропила. Верхние уходили в небо и сплетались причудливым кружевом. Лицо мне согревало солнце. По комнате гулял приятный ветерок, приносивший запах жасмина.

– Как... – Я изумлённо уставился на Хундинга. – Над нами же сотни этажей, а тут небо. И сейчас середина зимы. Почему так тепло и солнечно?

Хундинг пожал плечами:

– Да как сказать... Магия. Но это же твоя жизнь после смерти, сынок. Тебе ж полагаются какие-то бонусы, а?

Бонусы? Ну, не знаю. Вряд ли я достоин таких вот бонусов.

Я медленно повернулся и оглядел свой номер. Планировка у него была крестообразная: от центрального атриума расходились четыре луча. Причём каждый луч был просторнее, чем моя прежняя квартира. Одна часть – это прихожая, в которую мы попали, когда вошли. Вторая – спальня с кроватью королевского размера. Огромная, но при этом скромно обставленная и без наворотов. На кровати – бежевое одеяло и мягкие с виду подушки. На бежевых стенах не висит ни картин, ни зеркал – вообще никаких украшений. И спальню можно занавесить тяжёлыми коричневыми шторами.

Когда я был маленький, мама всегда старалась оформить мою спальню как можно проще, без всяких прибабасов. А то мне трудно засыпалось в помещении, если меня что-то отвлекало или туда проникал хоть какой-нибудь свет. И глядя на эту спальню, я подумал, что кто-то словно покопался в моих мыслях и выудил оттуда ровно то, что мне нужно для комфорта.

Слева располагались гардеробная и ванная, выложенные кафелем моих любимых цветов – чёрного и бежевого. Бонусы включали также сауну, джакузи, душевую кабину и ночной горшок. (Насчёт ночного горшка – это я пошутил. Там был знатный унитаз, почти настоящий трон. Самое то для заслуженного павшего воина.)

А в четвёртом луче была полностью оборудованная кухня плюс гостиная. В гостиной у стены разместился большой кожаный диван, а перед ним висела плазменная панель. И в шкафчике для дисков обнаружилось шесть игровых систем. Или около того. На другой стороне гостиной потрескивал камин. Перед ним стояли два глубоких кресла и книжный шкаф.

Читать я люблю. Я в этом смысле немного странный. Даже когда я бросил школу, всё равно частенько заходил в Публичную библиотеку Бостона – просто чтобы почитать что-нибудь и заодно побыть в безопасности и тепле. Все эти два года я тосковал по своим книжкам. И не надеялся, что у меня снова будет книжный шкаф.

Я подошёл к шкафу, чтобы изучить названия книг. И тут заметил на каминной полке фото в серебряной рамке.

По моему пищеводу словно поднялся гелиевый пузырь.

– Не может быть...

Я схватил снимок. На фотографии был я, восьмилетний, и мама – мы вместе на вершине горы Вашингтон в Нью-Гемпшире. Это был один из лучших походов в моей жизни. Мы попросили смотрителя парка нас сфотографировать. На снимке я улыбался (сейчас со мной это бывает не часто), показывая дырку на месте двух передних зубов. Мама стояла на коленях за моей спиной, обхватив меня за грудь: вокруг зелёных глаз собрались морщинки, веснушки потемнели на солнце, а светлые волосы растрепал ветер.

– Но это же невозможно... – пролепетал я. – У нас была только одна фотография. И она сгорела при пожаре... – Я обернулся к Хундингу. Тот утирал слёзы. – Ой, что с вами?

Хундинг прокашлялся:

– Ничего-ничего! Всё в порядке. Отель рад предоставить вам сувениры в память о прежней жизни. Фотографии... – Из-за бороды было не разглядеть, но, кажется, у него дрожали губы. – Когда я умер, фотографий ещё не было. А ты... Тебе повезло.

Мне уже сто лет никто не говорил «Тебе повезло». И сама эта мысль вышибла меня из оцепенения. Я два года живу без мамы. Я умер, или меня апгрейдили, всего несколько часов назад. А этот коридорный из Саксонии тут с 749 г. в. э. Или н. э., неважно. Интересно, а он-то как умер? И какая у него была семья? Прошло двенадцать веков, а он всё ещё слезу пускает от тоски по близким. По-моему, если у человека такая загробная жизнь, то с ним обошлись довольно жестоко.

Хундинг расправил плечи и вытер нос:

– Довольно об этом! Будут вопросы – звони на стойку регистрации. Скорее бы вечерняя трапеза! Не терпится послушать о твоих достославных подвигах.

– Моих... достославных подвигах?

– О, не скромничай. Ты бы не очутился тут, не соверши ты что-нибудь героическое.

– Но...

– Было честью служить вам, сэр, и добро пожаловать в отель «Вальгалла». – И он протянул ладонь. Я не сразу сообразил, что он, должно быть, намекает на чаевые.

– Ох, я... – Я зашарил в карманах куртки, правда, без особых ожиданий. Но там обнаружилась плитка шоколада, которую я стёр у дяди Рэндольфа. И она каким-то чудом уцелела во время путешествия на тот свет. Я вручил её Хундингу. – Простите, у меня только это.

Глаза у Хундинга сделались размером с подставку для стакана:

– Боги Асгарда! Спасибо, сынок! – Он понюхал шоколад, держа его с благоговением, как чашу для причастия. – Ух ты! Короче, если что понадобится, дай мне знать. И зови меня на «ты», без всяких церемоний. Твоя валькирия придёт за тобой перед самым пиром. Ух ты!

– Моя валькирия? Но у меня нет валькирии.

Хундинг рассмеялся, не сводя взгляда с шоколадной плитки:

– Будь у меня твоя валькирия, я бы сказал то же самое. Бедовая девица!

– В смысле?

– До вечера, сынок! – Хундинг уже шагнул к двери. – Мне надо кое-что съесть... То есть сделать. Постарайся не убиться до пира!

Глава 11. Приятно познакомиться. Придушу-ка я тебя по такому случаю

Я БУХНУЛСЯ НА ТРАВУ. Я лежал и смотрел на голубое небо в просветах зелёных крон. И мне было трудно дышать. Приступов астмы у меня уже несколько лет не случалось, но я прекрасно помнил, как мама держала меня, пока я хрипел, а мою грудь словно стягивал невидимый ремень. Вы, наверное, удивитесь: а зачем же мама таскала меня во все эти горные походы и заставляла ночевать в палатках, если у меня астма? Но мне как раз помогало быть на воздухе.

Поэтому я лежал посреди атриума, вдыхал свежий воздух и надеялся, что лёгкие мало-помалу придут в норму.

К сожалению, я был почти уверен, что никакой это не приступ астмы, а самый настоящий нервный срыв. И причина даже не в том, что я умер, а потом завис в каком-то чудесатом викингском раю, где принято заказывать в номер свиные головы и протыкать друг дружку копьём в гостиных. Я до сих пор вёл такую жизнь, что и это бы запросто переварил. Хотя, конечно, надо умудриться угодить в Вальгаллу точнёхонько на шестнадцатый день рождения. Повезло так повезло.

На самом деле подкосило меня не это. А то, что впервые со дня маминой смерти я оказался в приятном и безопасном (вроде бы) месте – и к тому же остался наедине с собой. Прежде такого не бывало ни в ночлежках, ни в местах, где разливают бесплатный суп, ни на крышах, ни в спальном мешке под мостом. Я всегда спал вполглаза. Всегда был начеку. А тут у меня появилась возможность поразмышлять.

Лучше бы не появлялась.

Прежде я не мог позволить себе такую роскошь, как горевать по маме. У меня не было времени посидеть и пожалеть себя. В каком-то смысле это оказалось к лучшему и помогло мне так же, как помогали мамины уроки выживания: мама научила меня ориентироваться на местности, ставить палатку и разводить огонь.

Все эти наши вылазки – в парки, в горы, на озёра. Пока мамина старенькая помятая «Субару» ещё пыхтела, мы каждые выходные выезжали за город, неугомонно исследуя разные укромные закоулки.

– Куда мы бежим? – спросил я её как-то в пятницу, за несколько месяцев до её гибели. Я злился. Мне в кои-то веки хотелось никуда не ехать и поваляться дома. И я не понимал, почему ей всё время надо собирать вещи и куда-то мчаться.

Мама тогда улыбнулась, но как-то озабоченно. Довольно необычно для неё. «Нужно с толком использовать всё наше время, Магнус».

Значит, мама намеренно готовила меня к выживанию в одиночестве? Как будто догадывалась, что с ней произойдёт... Но это же невозможно. А возможно, чтобы моим отцом было скандинавский бог?

Дышал я всё ещё прерывисто, но встал и решил походить по своему новому жилищу. Восьмилетний всклокоченный Магнус улыбался мне с каминной полки во весь щербатый рот. Эх, Магнус, бестолковый ты ещё пока. Что имеешь – не ценишь.

Я изучил книжные полки – сплошь фэнтези и хоррор, которые я взахлёб читал, когда был помладше: Стивен Кинг, Даррен Шэн, Нил Шустерман, Майкл Грант, Джо Хилл. И мои любимые комиксы: «Скотт Пилигрим», «Песочный человек», «Хранители», «Сага». Плюс ещё куча книжек, которые я собирался почитать в библиотеке. (Кстати, ценная информация для бездомных: библиотеки – надёжные прибежища. Там есть туалеты. И оттуда никто не станет выгонять ребёнка, если от него не несёт за милю и если он ведёт себя прилично.)

Я выудил с полки детскую книжку – скандинавские мифы, которые мама читала мне в детстве. Внутри оказались незамысловатые картинки с улыбочиво-довольными скандинавскими богами, радугами, цветами и блондинистыми красотками. И текст из серии «Боги жили в чудесном красивом мире!». Ни слова ни про Сурта по прозвищу Чёрный, который плавит детские коляски и швыряется раскалённым асфальтом, ни про волков, которые нападают на чьих-то мам и взрывают квартиры. Вот тут-то я и психанул.

На кофейном столике лежала книга в кожаном переплёте, на которой было написано «К УСЛУГАМ ГОСТЕЙ». Я пролистал её. Одно только меню занимало десять страниц. Список ТВ-каналов казался нескончаемым, а карта отеля очень уж затейливо ветвилась на разные ходы и помещения. Короче говоря, смысла в этой книжке было ровно ноль. Тут отсутствовало главное – аварийный выход с пометкой «В ПРОШЛУЮ ЖИЗНЬ».

И я швырнул книжку в горящий камин.

Едва она сгорела, как на столике появилась новая. Вот же дурацкий волшебный отель! Даже испортить ничего не дадут!

Я совсем рассвирепел и толкнул диван. Не ожидал, что толчок получится таким мощным: диван кубарем прокатился через гостиную и врезался в дальнюю стену.

Я обозревал следы разрушений: разбросанные как попало подушки, перевёрнутый диван, разбитую штукатурку и отпечаток от кожаной обивки, проехавшейся по стене. И как я исхитрился такое натворить?!

Диван не встал сам собой на место. Он лежал там, куда я его отбросил. Ярость схлынула. Ну вот, теперь, выходит, я просто прибавил работы какому-нибудь бедолаге служащему вроде Хундинга. Молодец, Магнус.

Я походил туда-сюда, размышляя о тёмном огненном чуваке на мосту. Зачем ему понадобился меч? Хорошо бы Сурт погиб вместе со мной – и желательно погиб по-настоящему, без моих бонусов. И главное, чтобы Блицт с Хэртом уцелели (ну, так и быть: пускай и Рэндольф заодно с ними).

А сам меч... Кстати, а где он? Снова покоится на дне реки? Вальгалла воскресила меня с плиткой шоколада в кармане, но без меча в руке. Что-то тут не стыкуется.

По мифам, в Вальгаллу попадали павшие в бою герои – это я помнил. Но из меня-то какой герой? Мне наподдали под зад и выжгли кишки куском асфальта. Да, я проткнул Сурта мечом и утянул его за собой – иными словами, погиб продуктивно. Это и называется пасть смертью храбрых? Что-то я сомневаюсь.

И тут меня осенило.

Мысль огрела меня как кувалдой по голове.

Мама... Если кто и пал смертью храбрых, так это она. Она же спасала меня от...

Раздался стук в дверь.

Дверь распахнулась, и в мой номер вошла девушка... та самая, что кружила надо мной во время битвы, а потом несла меня через серую пустоту.

Она где-то оставила свой шлем, кольчугу и сияющее копьё. Зелёный платок больше не покрывал голову: девушка обмотала им шею, и длинные каштановые пряди свободно струились у неё по плечам. Воротник и манжеты белого платья украшал вышитый узор из рун. С золотистого пояса свисала связка древних ключей и однолезвийный топор. Она бы сошла за подружку невесты на свадьбе из видеоигры «Мортал комбат».

Гостье бросился в глаза перевёрнутый диван:

– Мебель оскорбила твой взор?

– Ты настоящая, – заметил я.

Девушка похлопала себя по рукам:

– Вроде да.

– Моя мать, – сказал я.

– Нет, – ответила она. – Я не твоя мать.

– Я хотел спросить: она тут, в Вальгалле?

Девушка сочувственно поджала губы. Глядя куда-то за моё плечо, она заговорила, тщательно подбирая слова:

– Я сожалею. Натали Чейз нет среди избранных.

– Но она была храбрая. И она пожертвовала собой ради меня.

– Я верю. – Девушка пристально изучала кольцо, на котором висели ключи. – Но будь она здесь, я бы знала. Нам, валькириям, разрешено забирать не всех, кто гибнет как герой. Есть... много разных нюансов. И много разных загробных миров.

– Тогда где она? Я тоже хочу туда! Я никакой не герой!

При этих словах девушка метнулась ко мне и толкнула меня к стене – так же играючи, как я через всю гостиную швырнул диван. Она надавила предплечьем мне на горло.

– Не говори так, – прошипела девушка. – НЕ-ГО-ВО-РИ-ТАК! Особенно на сегодняшнем пиру.

От её дыхания веяло мятой. Глаза у неё были яркие и тёмные одновременно. У мамы была такая окаменелость, называлась аммонит: поперечный разрез ископаемого моллюска, вроде наутилуса, с закрученной раковины. Так вот, этот аммонит светился изнутри, точно вобрал в себя память миллионов лет, пока лежал под землёй. И у девушки глаза сияли таким же светом.

– Ты не понимаешь, – прохрипел я. – Я должен...

Она ещё сильнее надавила мне на трахею:

– Чего, по-твоему, я не понимаю? Каково это – потерять мать? Или когда тебя судят не по справедливости? Или когда ты в малоприятном месте и с малоприятными типами?

Я не знал, что ей на всё это ответить, тем более что и дышал-то с трудом.

Она отступила. Я стал хватать воздух ртом и кашлять, а валькирия принялась с отсутствующим видом мерить шагами прихожую. Топор и связка ключей покачивались у неё на поясе.

Я потёр пострадавшую шею.

«Дурак ты, Магнус, – мысленно обругал я себя. – Это новое место: изучи правила».

Нельзя начинать с нытья и требований. Надо было придержать вопрос о маме. Если она и впрямь тут, рано или поздно я это выясню. А пока что отель «Вальгалла» – неизведанная территория. Как незнакомая ночлежка для молодёжи, или новый палаточный лагерь для бездомных, или очередная церковная крипта, где наливают дармовой суп. У каждого места свои правила. Сперва надо понять, кто тут главный, кто за кем стоит в иерархии и за что я могу огрести. Нужно выживать... даже если ты уже умер.

– Извини, – сказал я. В горле у меня першило, как если бы я проглотил зубастого и когтистого грызуна. – Но какая тебе разница – герой я или нет?

Она хлопнула себя по лбу:

– О-о, а ты сам-то не врубаешься? Кто тебя сюда притащил? Я. О чьей карьере речь? О моей. Ещё один прокол – и... – Тут она спохватилась. – Ладно, проехали. Когда тебя представят, делай, что я скажу. Рот держи на замке, кивай и старайся выглядеть по-геройски. Не заставляй меня жалеть, что я приволокла тебя сюда.

– Хорошо. Но, на минуточку: я не просил тебя сюда приволакивать.

– Одинов глаз! Ты же у-ми-рал! Другие варианты – это Хельхейм, или Гиннунгап, или... – Её передёрнуло. – Короче, имей в виду: есть загробные местечки куда хуже Вальгаллы. Я видела, что ты делал на мосту. Сознаться ты это или нет, ты действовал как герой. Ты жертвовал собой во имя спасения многих людей. – Она меня вроде как хвалила, но таким тоном, будто обзывала последним идиотом. Она прошагала ко мне и упёрла мне палец в грудь: – У тебя есть потенциал, Магнус Чейз. И не вздумай доказывать, что я не права – или...

Внезапно динамики на стене разразились оглушительным трубным гласом. Даже снимок на каминной полке подпрыгнул.

– Это что? – осведомился я. – Воздушная тревога?

– Это зовут на ужин. На пир. – Девушка расправила плечи, глубоко вдохнула и протянула мне руку. – Давай попробуем сначала. Привет, я Самира аль Аббас.

Я моргнул:

– Ты не обижайся, но имя у тебя не то чтобы викингское.

Девушка натянуто улыбнулась:

– Можешь звать меня Сэм. Меня все так зовут. Я буду твоей валькирией на сегодняшнем пиру. Рада познакомиться по-настоящему. – Сэм сжала мне руку так, что кости пальцев хрустнули. – А сейчас я сопровожу тебя в зал. – Она выдавила улыбку. – И смотри, чтобы мне из-за тебя краснеть не пришлось. А то я тебя первая убью.

Глава 12. Ладно хоть к козе не приставили

В КОРИДОРЕ УЖЕ НАЧАЛИ СОБИРАТЬСЯ мои соседи. Томас Джефферсон-младший оказался долговязым парнем примерно моих лет, с короткими курчавыми волосами. Он был в синем шерстяном мундире с медными пуговицами и нашивками на рукаве, а за плечом у него висела винтовка. Форма Гражданской войны, догадался я²⁵.

Увидев меня, Томас Джефферсон-младший приветливо кивнул:

– Как поживаешь?

– Ну... собственно, никак, – ответил я. – Я же типа умер.

Он рассмеялся:

– Ага. Потом привыкнешь. Зови меня Ти Джей.

– А я Магнус.

– Идём. – Сэм уже тащила меня вперёд.

Мы прошли мимо девушки, которая, вероятно, была моей соседкой, Мэллори Кин. Мэллори являлась обладательницей копны вьющихся рыжих волос, зелёных глаз и зазубренного кинжала, которым она потрясала перед лицом парня, стоящего возле двери со знаком Х. Росту в парне было шесть футов семь дюймов²⁶, не меньше.

– Опять эта свиная башка? – вопрошала Мэллори с еле заметным ирландским акцентом. – Икс, думаешь мне охота смотреть на отрубленную голову всякий раз, как я выхожу за порог?

– Я больше съесть не мог, – рокотал в ответ Икс. – Свиная башка ко мне в холодильник не влезает.

Вот честно, я с таким детиной поостерёгся бы спорить. Этот Икс смахивал на взрывозащитный контейнер. С помощью Икса вы запросто обезвредите гранату – если попросите парня её проглотить. Его кожа цвета акульего брюха была усеяна бородавками, по всему телу вздымались волны мускулов, а лицо испещряли шрамы – настолько многочисленные, что я бы затруднился показать, где у него нос.

Мы прошли мимо: Мэллори и Икс, поглощённые спором, нас даже не заметили.

Когда мы удалились на порядочное расстояние, я спросил Сэм:

– А что за бугай такой серокожий?

Сэм прижала палец к губам:

– Икс – полутроль. И он немножко переживает из-за этого.

– Полутроль? То есть такие бывают?

– Естественно. И у него такое же право жить тут, как у тебя.

– Да я разве против? Я просто спросил.

Видимо, тут кроется какая-то история. Иначе бы она так не огрызалась.

Мы как раз проходили мимо двери с табличкой «ХАФБОРН ГУНДЕРСОН», и тут в дубовую доску изнутри врубился топор. В номере послышался приглушённый смех.

Сэм настойчиво вела меня к лифту. Она отпихнула ещё нескольких эйнхериев, пытавшихся войти в ту же кабину:

²⁵ Гражданская война в США (1861–1865) велась между северными и южными штатами, которые долго не могли договориться по поводу рабства. По нынешним временам звучит диковато, но вплоть до середины XIX века в Америку ввозили из Африки чернокожих рабов. Так уж сложилось, что на Севере США больше развивались промышленность и банковское дело – с точки зрения экономической выгоды, рабство северянам было ни к чему. А вот плодородный Юг с его хлопковыми и сахарными плантациями, напротив, в рабах очень даже нуждался. Поэтому, когда в 1860 году Президентом США был избран Авраам Линкольн, убеждённый сторонник отмены рабства, южные штаты подняли мятеж. Вы наверняка знаете, что победили в этой войне северяне, а после её окончания рабство было отменено.

²⁶ То есть два метра.

– На другом езжайте, ребята.

Решётка из копий замкнулась. Сэм вставила один из своих ключей в заюзанную скважину на панели, надавила на красную руну, и лифт поехал вниз.

– Я тебя в трапезный зал приведу немного пораньше, до того как откроются главные двери. Чтобы ты немного освоился с обстановкой.

– Ну... да. Спасибо.

С потолка лилась нордическая лёгкая музыка.

«Поздравляю, Магнус! – подумал я. – Добро пожаловать в воинский рай, где ты всегда сможешь услышать Фрэнка Синатру²⁷ на норвежском языке!»

Надо бы поддержать разговор, но как-нибудь так, чтобы Сэм не расплющила мне трахею.

– Значит... На девятнадцатом этаже все как будто моего возраста, – заметил я. – Или... нашего возраста. В Вальгаллу только тинейджеров берут?

Сэм покачала головой:

– Эйнхериев разделяют на группы по возрасту на момент гибели. Ты в молодёжной группе, там народ до девятнадцати лет. С двумя другими группами – со взрослыми и пожилыми – вы почти не пересекаетесь. Так оно лучше. Взрослые... ну, они не принимают подростков всерьёз, даже если подростки живут тут на сотни лет дольше.

– Как везде, – кивнул я.

– А с пожилыми воинами трудновато поладить. Представь себе дом престарелых, где живут реально лютые стариканы.

– Ага, бывают такие ночлежки.

– Ночлежки?

– Проехали. А ты, значит, валькирия. Ты сюда всех понавыбирала.

– Точно, – ответила Сэм. – Я одна – прямо всех поголовно.

– Ха-ха. Ну, ты поняла, о чём я. Не всех, конечно, и не ты одна. У вас тут... как это... сестринство или что-то такое.

– Вот именно. Валькирии ответственны за выбор эйнхериев. Каждый здесь, в Вальгалле, когда-то пал геройской смертью. Путь в Вальгаллу открыт лишь тем, кто исполнен воинской чести или же ведёт происхождение от скандинавских богов.

Мне вспомнились слова дяди Рэндольфа о том, что меч – это моё наследие.

– Происхождение от богов... Это когда бог доводится отцом, например?

Я опасался, что Сэм поднимет меня на смех, но она лишь мрачно кивнула:

– Многие эйнхерии – полубоги. Но многие – обычные смертные. Для Вальгаллы избирают не за происхождение, а за мужество и честь. По крайней мере, так это должно быть...

Я не понял – она сказала это мечтательно или обиженно.

– А ты? – спросил я. – Как ты стала валькирией? Ты тоже пала благородной смертью?

Сэм рассмеялась:

– Нет пока. Я ещё среди живых.

– И как это у тебя получается?

– Ну, это типа двойная жизнь. Сегодня вечером я сопровождаю тебя на пир. Потом сломя голову мчусь домой доделывать домашку по матанализу.

– Что, серьёзно?

– С матанализом не до шуток!

Дверь лифта открылась. Перед нами простирался зал размером со стадион.

У меня отвисла челюсть:

– Офигеть...

²⁷ *Фрэнк Синатра* (1915–1998) – один из самых известных американских певцов, обладатель знаменитого «бархатного» голоса.

– Добро пожаловать в Трапезную Павших Героев! – провозгласила Сэм.

Сверху вниз изогнутыми ярусами, как на стадионе, спускались длинные столы. В самом центре зала вместо баскетбольной площадки росло дерево – выше Статуи Свободы. До нижних веток было, наверное, футов сто. А крона раскинулась над всем залом, вращаясь в своды, пробиваясь через обширное отверстие в потолке. Над кроной сверкали звёзды.

Первый мой вопрос, наверное, был не самый глубокомысленный из возможных:

– А почему на дереве коза?

В действительности козой дело не ограничивалось. Между ветвей шастало всякое-разное зверьё, причём я и определить-то мог далеко не всех. Но по нижним веткам, раскачивая их туда-сюда, бродил вполне узнаваемый зверь – жирная косматая коза. Из её раздутого вымени, как из прохудившегося душа, капало молоко.

Под козой четверо дюжих воинов таскали на плечах здоровенный золотой чан. Чан крепился на шестах, и ребята метались в разные стороны, силясь очутиться прямо под козой и поймать в ведро капли молока. Судя по тому, какие они были мокрые, промахивались они частенько.

– Козу зовут Хейдрун. Из её молока варят мёд Вальгаллы. Вкуснятина. Сам попробуешь.

– А что за парни за ней бегают?

– Да, работёнка у них так себе. Не безобразничай, а то и тебя по козе дежурить отправят.

– Э-э-э... А никак нельзя... ну, скажем, спустить козу вниз?

– Она свободная коза на свободном выпасе. К тому же такой мёд вкуснее.

– Ну да, ясное дело, – покивал я. – А другие животные? Я вижу, там белки, и опоссумы, и...

– ...и сумчатые летяги, и ленивцы, – подхватила Сэм. – Они ничего, миленькие.

– Ага. Но вы же тут едите. Это же негигиенично, наверное. У зверья кашки и всё такое...

– Животные на Дереве Лерад очень хорошо воспитаны.

– Дерево Ле-е-рад? У дерева что, есть имя?

– У всех важных вещей есть имена. – Сэм нахмурилась. – Напомни: как тебя зовут?

– Очень смешно.

– Некоторые из животных бессмертны, и у них свои особые задачи. Где-то ходит олень по имени Эйктюрнир, сейчас его не видно. Мы его для краткости зовём Эйк. Видишь вон тот водопад?

Ещё бы я его не видел! По трещинам в коре откуда-то свысока сбегали ручьи. Они сливались в мощный поток, и водопад ревущей стеной низвергался с ветки в озеро, раскинувшееся между двумя корнями. По площади этот водоём мог бы потягаться с олимпийским плавательным бассейном.

– У оленя из рогов непрерывно течёт вода, – пояснила Сэм. – Она стекает по ветвям прямо в озеро, а из него уходит под землю. Воды этого озера питают все реки земли.

– В смысле... Вся вода течёт из оленьих рогов? Меня, помнится, чему-то другому учили на естествознании.

– Нет, конечно, не вся вода течёт из Эйковых рогов. Есть ещё тающие снега, дожди, всякие загрязнители. Плюс ещё капелька фторидов и слюны ётунов.

– Ётунов?

– Ну, великанов.

Валькирия вроде не шутила, хотя по ней точно не скажешь. Вроде улыбалась, но как-то натянуто. Глаза беспокойно бегали, губы она поджала – то ли чтобы не прыснуть со смеху, то ли в ожидании нападения. Она бы отлично вписалась в какое-нибудь стендап-шоу. Только лучше бы без топора. И черты её лица почему-то казались знакомыми: линия носа, изгиб подбородка, еле различимые рыжие и золотистые прядки в каштановых волосах.

– А мы с тобой раньше не встречались? – спросил я. – Ну, до того... как ты избрала мою душу для Вальгаллы.

– Очень сомневаюсь, – ответила она.

– Но ты же смертная? Из Бостона?

– Из Дорчестера²⁸. Я учусь в Королевской академии, на втором курсе. Живу с бабушкой и дедушкой и по большей части занята изобретением уловок, чтобы никто не узнал о моей валькирийской жизни. Сегодня, например, Джид и Биби думают, что я помогаю группе школьников с математикой. Есть ещё вопросы? – Её взгляд при этом отчётливо сигнализировал прямо противоположное: о личном больше ни слова.

Почему, интересно, она живёт с бабушкой и дедушкой? Сэм знает, каково это – потерять мать, так она сказала.

– Вопросов больше нет, – объявил я. – У меня и так голова вот-вот взорвётся.

– Вот грязница будет, – хмыкнула Сэм. – Давай-ка лучше найдём тебе место, пока...

По периметру зала распахнулись сотни дверей. Войнство Вальгаллы начало вваливаться в трапезную.

– Ужин подан, – сказала Сэм.

²⁸ Район Бостона, прежде бывший отдельным городом.

Глава 13. Злополучный конец Фила-картошки

НАС СМЕЛО ЦУНАМИ из оголодавших воинов. Людские потоки лились со всех сторон: эйнхерии с толкотнёй, шутками и хохотом рассаживались по местам.

– Держись, – приказала Сэм. Она обхватила моё запястье и взмыла вверх в питер-пэновском стиле.

– Предупреждать надо! – взвыл я.

– Я же сказала: держись.

Мы скользили над головами воинов. На нас никто не обращал особого внимания, если не считать того парня, которого я нечаянно пнул в лицо. Мимо сновали другие валькирии: кто-то сопровождал воинов, кто-то разносил подносы с едой и кувшины с напитками.

Мы направились к столу, который тут явно значился как почётный: если бы это был баскетбольный матч с участием «Бостон Селтикс», то на этом месте восседали бы хозяева поля. В этой роли здесь выступала дюжина угрюмых чуваков – перед ними стояли золотые тарелки и сверкающие драгоценными камнями кубки. На самом почётном месте возвышался деревянный трон с высокой спинкой. На спинке два ворона чистили перья.

Сэм приземлила нас за столом слева от почётного. Остальные двенадцать наших сотрапезников ещё только устраивались – две девушки и четверо парней в обычной уличной одежде плюс шесть валькирий, одетых примерно как Сэм.

– Это тоже новенькие? – осведомился я.

Сэм кивнула и озабоченно свела брови:

– Семеро за одну ночь – что-то многовато.

– А это хорошо или плохо?

– Чем хуже обстоят дела, тем больше гибнет героев. А это значит... – Она поджала губы. – Неважно. Давай уже сядем.

Но сесть мы не успели: у нас на пути возникла высокая валькирия:

– Самира аль Аббас, кого это ты нынче притащила? Ещё одного полутролля? Или шпиона от твоего папочки?

Девице на вид я бы дал лет восемнадцать. Рост у неё был – на зависть любому нападающему в баскетбольной команде. По плечам раскинулись белоснежные косицы. Что меня ошарашило, так это её оружие: согласитесь, перевязь с плотницкими молотками – это довольно странно. Возможно, в Вальгалле большой спрос на забивание гвоздей. На шее у валькирии висел золотой амулет в форме молота. Глаза у неё были голубые и холодные, как зимнее небо.

– Гунилла, – напряжённо заговорила Сэм, – познакомься: это Магнус Чейз.

Я протянул руку:

– Горилла? Приятно познакомиться.

Девушка сердито раздула ноздри:

– Я Гунилла. Капитан валькирий. А ты, новенький...

Трубный глас, который я уже слышал перед пиром, эхом раскатился по трапезной. Но теперь я видел, откуда идёт звук. У подножия дерева двое парней держали чёрно-белый рог какого-то животного. Рог был размером этак с кануэ. А третий парень в него дул.

Тысячи воинов расселись по местам. Капитан валькирий бросила на меня испепеляющий взгляд, развернулась и потопала к главному столу.

– Ты с ней поаккуратнее, – предупредила Сэм. – Гунилла могущественна.

– Та ещё жлобиха.

Уголок рта у Сэм чуть дрогнул:

– Не без этого.

Но, вообще, Сэм казалась задетой. Вцепилась в топорище – аж костяшки пальцев побелели. Меня так и подмывало спросить насчёт «шпиона от папочки», которого помянула Гунилла, но шея всё ещё ныла. Поэтому я счёл за благо не бесить валькирию и помолчать.

Я уселся в самом конце стола рядом с Сэм – так хоть не придётся заводить беседы с другими новичками. Тем временем по залу порхали сотни валькирий, разнося еду и питьё. Как только кувшин в руках у валькирии пустел, она устремлялась к кипящему над огнём золотому чану, зачерпывала мёда из козьего молока и летела дальше обслуживать эйнхериев. В другом конце трапезной готовилось главное блюдо. На стофутовом вертеле вращалась туша какого-то зверя. Точно не скажу, кто это был, но размерами он не уступал синему киту.

Мимо промелькнула валькирия, и передо мной нарисовались блюдо с едой и кубок. На блюде дымились куски мяса – какого именно, точно сказать я не мог, но пахло божественно. Сбоку ещё лежали картошка с подливкой и куски хлеба с маслом.

– Какого зверя я ем?

Сэм вытерла рот тыльной стороной ладони:

– Его зовут Сэхримнир.

– Ну, вы даёте! И еда с именем? Я не желаю знать, как зовут мой ужин. Вот картошка – её типа зовут Стив?

Сэм закатила глаза:

– Да нет же, дурачок. Картошку зовут Фил. А вот хлеб зовут Стив.

Я ошалело уставился на неё.

– Шучу, – тут же успокоила меня Сэм. – Сэхримнир – это волшебный зверь Вальгаллы. Его каждый день убивают и съедают за ужином. Зато каждое утро он воскресает – и снова как новенький.

– Да уж, не повезло зверюге. Но кто это? Корова, свинья или...

– Это то, чего ты сам хочешь. У меня вот говядина. А другие части туши – это курица или свинина. Я свинину не ем, но есть любители.

– А если я вегетарианец? Если я фалафель хочу?

Сэм помертвела:

– Это ты пошутил?

– Почему сразу «пошутил»? Я люблю фалафель.

Её плечи облегчённо обмякли:

– Ладно, если тебе нужен фалафель, тогда закажи кусок из левого бока. Там сыр тофу и соевый творог. Его приправят по твоему вкусу.

– То есть у вас тут волшебный зверь с грудинкой из тофу?

– Это Вальгалла, рай для воинов на службе у Одина. Что бы ты ни выбрал – у еды будет совершенный вкус.

Мой живот урчал уже совсем нетерпеливо, поэтому я принялся за еду. В соусе очень правильно сочетались сладкое и солёное. Хлеб был как тёплое пушистое облако, сдобренное маслом. И даже Фил-картошка оказался на высоте.

Я не большой любитель молока коз-на-свободном-выпасе, и мне поначалу не очень хотелось пробовать мёд. Но напиток в моем кубке больше напоминал сидр с пузырьками, и я решил, что рискну.

Я отпил глоток. Питьё оказалось сладким, но не чересчур. Прохладным и успокаивающим. И с нотками, которые я не сумел толком распознать: то ли чёрная смородина, то ли мёд, то ли ваниль. В общем, я осушил кубок одним глотком.

И внезапно у меня внутри словно вспыхнуло пламя. Нет, это было не как от алкоголя. (Да, алкоголь я пробовал – и меня стошнило. А потом попробовал ещё раз, и меня опять стошнило.) От этого напитка не кружилась голова, не подступали дурнота и сонливость. Скорее

он действовал как ледяной эспрессо, но без горького привкуса. Мёд пробудил меня, согрел, придал уверенности – и всё это без бешеного сердцебиения и вспышек раздражительности.

– Годная штука, – признал я.

Валькирия спикировала ко мне, наполнила кубок и умчалась.

Я покосился на Сэм. Та стряхивала с платка хлебные крошки.

– А ты тоже прислуживаешь на пиру?

– Естественно. У нас дежурства. Это большая честь – служить эйнхериям.

И она ведь даже не прикалывалась.

– А много тут валькирий?

– Сколько-то тысяч, наверное.

– А эйнхериев?

Сэм надула щёки:

– Получается, десятки тысяч. Это ведь только первая смена, молодёжная. Потом ещё две, взрослая и возрастная. В Вальгалле пятьсот сорок дверей. Из каждой на битву выйдет восемьсот воинов. Итого четыреста тридцать две тысячи эйнхериев.

– Где столько тофу-то взять?

Сэм пожала плечами:

– Мне лично кажется, что цифра сильно завышена. Но точная статистика известна лишь Одину. В любом случае, когда грянет Рагнарёк, нам понадобится большое войско.

– Рагнарёк, – эхом откликнулся я.

– Гибель Богов, – объяснила Сэм. – Когда все Девять миров сгинут в великом пожаре, а воинства богов и великанов сойдутся в последней битве.

– А, в этом смысле. – Я обвёл взглядом ораву воинов-тинейджеров. И вспомнил свой первый день в средней школе Аллстона – за несколько месяцев до того, как не стало мамы и моя жизнь пошла наперекосяк. Нас было тысячи две. В коридорах от кабинета до кабинета царил абсолютный хаос. Школьная столовка напоминала аквариум с пираньями. Но до Вальгаллы средней школе всё-таки далеко. Я указал на почётные места: – А кто вон те красавчики? Они не староваты для первой смены?

– Я бы не стала называть их «красавчиками», – заметила Сэм. – Это таны, владыки Вальгаллы. Каждый из них персонально приглашён за этот стол самим Одним.

– Значит, пустой трон...

– ...это трон Одина, да. Но он... он давненько не навещался на пиры. Вместо него вороны – они всё подмечают и ему докладывают.

Эти вороны с глазами-бусинами, честно говоря, меня напрягали. По-моему, они всё время косились именно на меня.

Сэм указывала на сидящих справа от трона:

– Это Эрик Кровавая Секира. А это Эрик Рыжий²⁹.

– Похоже, тут перебор Эриков.

– А вон там Лейф Эрикссон.

– Ого! А где его бронзовый лифчик?

– Будем считать, я не слышала. Потом сидит Снорри³⁰. Дальше – наша очаровашка Гунилла. Потом лорд Нельсон³¹ и Дэви Крокетт³².

²⁹ Оба Эрика – весьма заметные персоны в мире викингов. Эрик Кровавая Секира (около 885–954) – любимый сын одного из самых прославленных норвежских конунгов, Харальда Прекрасноволосого, объединителя Норвегии. Эрик, как и его отец, побывал в должности конунга, а потом сделался и королём Нортумбрии (одного из королевств на территории современной Великобритании). Однако Эрик Кровавая Секира недаром получил своё прозвище – слишком он был крут нравом и воинствен. В итоге Эрик погряз в междоусобной вражде и погиб во время смуты в Нортумбрии. Эрик Рыжий (950—1003) тоже был вояка хоть куда, но прославился скорее как мореплаватель – в самом конце X века он основал первую колонию в Гренландии.

³⁰ Без Снорри Стурлусона в нашей истории просто никак. Именно Снорри поведал нам и об Эрике Кровавая Секира, и о скандинавских богах, и о валькириях, и о многом из жизни викингов. Это исландский скальд (то есть поэт) и прозаик, а

– Дэви Кро... Да ладно!

– А на краю стола – Хельги, управляющий. Ты с ним, наверное, уже знаком.

Хельги, похоже, отлично проводил время, над чем-то посмеиваясь с Дэви Крокеттом и потягивая мёд. За его стулом стоял швейцар Хундинг с гроздьёю винограда в руках. Он отщипывал от грозди по одной виноградине и протягивал Хельги. Вид у швейцара при этом был несчастнейший.

– Слушай, а что там у управляющего с Хундингом?

Сэм скривилась:

– Кровная вражда ещё при жизни. Потом они погибли, и оба попали в Вальгаллу, но Один решил, что Хельги достоин большего почёта. И возвёл Хельги в ранг управляющего. А тот первым же приказом записал Хундинга, своего кровного врага, в лакеи. Теперь Хундингу поручают всю грязную работу.

– Выходит, для Хундинга здесь не такой уж рай.

Поколебавшись немного, Сэм прошептала:

– На самом деле в Вальгалле нет равенства. Тут своя иерархия. И тому, кто окажется внизу, считай, сильно не повезло. Помни, когда начнётся церемония...

Таны на почётных местах разом застучали кубками о стол. И все эйнхерии последовали их примеру. Как будто в Трапезной Павших Героев забилося металлическое сердце.

Хельги встал и поднял свой кубок. Шум мгновенно стих.

– Воины! – загремел управляющий на весь зал. Сейчас он смотрелся чрезвычайно царственно. Я с трудом узнавал в нём того типа, который несколько часов назад всучил мне люкс по акции и ключ от мини-бара. – Нынче к нам присоединились семеро павших! Это само по себе повод для праздника, однако мы приготовили для вас нечто особенное. Благодаря капитану валькирий Гунилле сегодня мы впервые сможем не только послушать о славных деяниях наших новых эйнхериев, но и посмотреть, как всё было!

Сэм сдавленно икнула.

– Нет, – пробормотала она. – Нет, только не это.

– Итак, представление павших начинается! – провозгласил Хельги.

Десять тысяч воинов, как по команде, развернулись и выжидательно уставились в мою сторону.

также политик, живший в XIII веке. Снорри написал «Младшую Эдду» – важнейший источник по скандинавской мифологии и одновременно поэтический учебник, а также толстенную книгу «Круг земной» – историю Норвегии с древнейших времён до 1177 года.

³¹ Адмирал Горацио Нельсон (1758–1805) – знаменитый английский флотоводец. Англичане страшно им гордятся, поскольку Нельсон в пух и прах разбил флот Наполеона в Трафальгарском сражении (1805), которое считается одним из самых важных в истории европейских парусных флотов. Правда, сам адмирал в битве при Трафальгаре был смертельно ранен. Зато, как мы видим, его избрали для Вальгаллы, а благодарные соотечественники воздвигли ему памятник в самом центре Лондона – на Трафальгарской площади.

³² Про Дэви Крокетта (1786–1836) американцы знают в основном из фольклора: про него есть песни, книги и фильмы, а при жизни его прозвали «Королём Дикого Фронтiera» (фронтир – это граница освоенных территорий на Диком Западе: ведь изначально Соединённые Штаты занимали лишь узкую полосу земли вдоль Атлантического побережья и постепенно расширялись на запад и на юг). Вероятно, авантюрист Дэви Крокетт, в понимании Магнуса, смотрится немного странно в компании таких пафосных фигур, как Нельсон, Снорри и двое Эриков.

Глава 14. Здесь четыре миллиона каналов. А работает одно Валькир-ТВ

УРА! Я ПОСЛЕДНИЙ. Представление началось с противоположного конца стола. И я сначала обрадовался. А потом, когда увидел, как отличились другие эйнхерии, радоваться перестал.

– Ларс Альстрём! – воззвал Хельги.

Поднялся коренастый блондин. Вместе с ним встала его валькирия. Ларс так разволновался, что опрокинул кубок и залил мёдом штаны в самом интересном месте. По трапезной прокатился смешок.

Хельги заулыбался:

– Как многим из вас известно, капитан Гунилла за последние несколько месяцев осуществила поэтапное тестирование нового оборудования. Она разместила камеры на доспехах валькирий, чтобы быть в курсе достижений своих подопечных. И чтобы мы с вами не скучали!

Воины радостно загалдели и загрохотали кубками, заглушая тихие ругательства Сэм.

Хельги поднял кубок:

– Итак, позвольте представить вам Валькир-ТВ!

Вокруг ствола дерева замигал хоровод парящих в воздухе гигантских экранов. Изображение сильно дёргалось – вероятно, камера была на плече у валькирии. Съёмка велась с высоты – валькирия кружила над паромом, тонущим в серых морских волнах. Шлюпки вовсю мотались на полуоборванных канатах. Люди прыгали в них, частенько без спасательных жилетов. Валькирия подлетела поближе. У картинки появился фокус.

Ларс Альстрём кое-как карабкался по кренящейся палубе с огнетушителем в руках. Дверь в салон завалило большим металлическим контейнером. Ларс попытался сдвинуть его с места, но тот оказался тяжёлым. В салоне оказались запертыми больше десятка пассажиров – они отчаянно колотили в окна.

Ларс прокричал им что-то на шведском. Или норвежском? Но смысл был понятен: НАЗАД!

Люди в салоне отшатнулись, и Ларс со всей мочи врезал огнетушителем по окну. С третьей попытки стекло раскололось. Несмотря на пронизывающий холод, Ларс стащил с себя куртку и накрыл ею осколки, торчащие в раме.

Он так и стоял у окна, пока не выбрался последний пассажир. Спасённые Ларсом бежали к спасательным шлюпкам. Ларс взял свой огнетушитель и устремился было следом, но тут корабль сильно качнуло. Ларс ударился головой о стену и сполз вниз, бездыханный.

Его тело начало сиять. В кадре возникла рука валькирии. Сияющий золотой призрак отделился от тела Ларса – наверное, его душа. Золотой Ларс взял валькирию за руку, и экран померк.

Воины во всей трапезной ликовали.

Таны за почётным столом совещались. Я сидел достаточно близко и кое-что улавливал. Один из танов – кажется, лорд Нельсон – всё спрашивал, является ли огнетушитель оружием.

Я наклонился к Сэм:

– А разве это важно?

Сэм рвала хлеб на всё более и более крошечные кусочки:

– Чтобы попасть в Вальгаллу, воин должен встретить смерть в битве и с оружием в руках. Только так.

– Выходит, каждого, кто схватил меч и тут же умер, возьмут в Вальгаллу? – прошептал я.

– Нет, конечно, – фыркнула Сэм. – Мы не берём детей, которые хватаются за оружие и гибнут по собственной воле. В самоубийстве нет ничего героического. Самопожертвование, доблестный поступок должен быть спонтанным. Героизм в ответ на опасность. Герой действует по зову сердца, не помышляя о награде.

– А если так... Вдруг таны решат про новичка, что его не надо было брать? Тогда он возвращается к жизни? – Я постарался приглушить надежду в голосе.

Сэм отвела взгляд:

– Если ты эйнхерий, то назад дороги нет. Тебя могут нагрузить самой чёрной работой. Или тебе придётся драться тут за место под солнцем. Но ты всё равно остаёшься в Вальгалле. Если таны решат, что павший недостойн... тогда его валькирия будет наказана.

– Ой. – Я внезапно понял, почему все валькирии сидят немножечко как на иголках.

Таны между тем устроили голосование. Они пришли к единогласному решению, что огнетушитель можно считать оружием, а Ларса – павшим в битве.

– Есть ли враг грознее морской пучины? – сказал Хельги. – Мы сочли Ларса Альстрёма достойным Вальгаллы.

Гром аплодисментов. Ларс чуть не грохнулся в обморок. Валькирия подхватила его, улыбаясь и приветственно помахивая рукой.

Шум стих, и Хельги продолжил:

– Ларс Альстрём, известны ли тебе твои родители?

– Я... – Голос новичка дрогнул. – Я не знаю, кто мой отец.

– Это обычное дело, – кивнул Хельги. – Мы взыскуем мудрости рун, если сам Всеотец не пожелает дать ответ.

Все обернулись к пустому трону. Вороны взъерошили перья и заклекотали. Однако трон так и остался пустым.

Хельги как будто не удивился, но его плечи разочарованно поникли. Он махнул в сторону очага. От скопища поваров и разносчиков отделилась женщина в зелёном плаще и прошаркала к нам. Её лицо скрывал капюшон, но по согбённой фигуре и скрюченным пальцам ей можно было дать тысячу лет.

– Кто эта злая ведьма? – тихонько спросил я у Сэм.

– Это вёльва. Прорицательница. Может творить всякие заклинания, предсказывать будущее и... ну, и всё такое.

Вёльва приблизилась к столу. Из складок своего плаща она извлекла кожаный мешочек и вытряхнула оттуда рунические плашки – совсем как у Рэндольфа.

– А руны? – опять зашептал я. – Они зачем?

– Руны – это древний алфавит викингов, – ответила Сэм. – Каждая буква символизирует нечто могущественное: бога, разновидность магии, природную стихию. Руны – что-то наподобие генетического кода Вселенной. Вёльва может прочесть по рунам твою судьбу. Величайшим чародеям вроде Одина даже смотреть на руны не нужно. Они способны изменять действительность, лишь называя руну вслух.

Я сделал себе мысленную пометку держаться от этого Одина подальше. Мне оно вообще не надо, чтобы кто-то опять менял мою действительность.

Вёльва, стоя у нашего стола, бубнила что-то себе под нос. Она швырнула руны к своим ногам. Камешки рассыпались по грязному полу – какие-то вверх руной, какие-то вниз. Но одна руна, казалось, привлекла всеобщее внимание. Голографические экраны тут же воспроизвели её на всю трапезную.

Мне этот знак ничего не говорил, но сотни воинов подняли восторженный гам.

– Тор! – орали они. А потом принялись скандировать: – ТОР! ТОР! ТОР!

– Мало нам этих Торовых детишек, – проворчала Сэм.

– А что не так с Торовыми детишками?

– Да ничего. Они клёвые. Взять хоть его дочурку Гуниллу.

– А-а.

Капитан валькирий улыбалась. Лучше бы хмурилась, честное слово, а то уж очень устрашающее зрелище.

Наконец скандирование стихло, и вёльва вскинула иссохшие кисти:

– Возрадуйся, Ларс, сын Тора! Руны гласят, ты будешь доблестно драться в Рагнарёк. А завтра грядёт твоя первая битва! Ты явишь всем свою храбрость и лишишься головы!

Трапезная взорвалась приветственными криками и смехом. Ларс внезапно побелел как полотно. Воины захохотали ещё громче, словно отсечение головы – это такое посвящение для новичка. Типа как стул из-под него выдернуть. Вёльва собрала свои руны и удалилась, а Ларсу валькирия помогла сесть на место.

Церемония продолжалась. Следующую новенькую звали Деде. У себя в деревне она спасла целую кучу ребятишек из сельской школы, когда боевики попытались взять их в заложники. Она сделала вид, что заигрывает с одним из солдат, уговорила его дать ей поддержать винтовку и сама открыла огонь по боевикам. Деде погибла, зато дети сумели убежать. Видео получилось очень жёстким. Викингам дико понравилось. Деде аплодировали стоя.

Вёльва прочла руны и подтвердила, что родители Деде были простыми смертными, но, похоже, это никого не смутило. Согласно прорицанию вёльвы, Деде предстояло храбро сражаться в Рагнарёк. А на следующей неделе ей светило несколько раз потерять руки в сражениях. И через сто лет она займёт место среди танов.

– О-о-о-о-о! – одобрительно взвыли воины.

Остальные четверо новичков смотрелись столь же внушительно. Они все спасали людей. Они все героически жертвовали жизнью. Двое оказались обычными смертными. Третий – сыном Одина, что произвело в трапезной некоторое оживление.

Сэм наклонилась ко мне:

– Как я и сказала, Одина уже какое-то время никто не видел. Поэтому мы рады любому знаку, что он всё ещё пребывает среди смертных.

Последняя девушка оказалась дочерью Хеймдалля. Я был не в курсе, кто это, но викинги явно впечатлились.

У меня голова шла кругом от избытка информации. И к тому же я изрядно накачался мёдом. Поэтому я не сразу сообразил, что теперь моя очередь. Очнулся я, услышав голос управляющего.

– Магнус Чейз! – возопил Хельги. – Вставай же и порази нас своим мужеством!

Глава 15. Фейковая киношка с моим участием имеет бешеный успех

МОЁ МУЖЕСТВО НИКОГО НЕ ПОРАЗИЛО. Пока шло моё видео, я стоял, понунив плечи. Эйнхерии смотрели на экран в изумлённом молчании. Потом началось перешёптывание и бурчание, время от времени прерываемое взрывами смеха.

Валькир-ТВ запечатлело происходившее не целиком, а отрывками. Вот я стою на мосту перед Суртом, запускающим огненный смерч. Камера даёт крупным планом меня, грозящего Сурту ржавой железякой. Потом появляются Хэрт с Блитцем. Блитц лупит Чёрного своей табличкой «Дорогу утятам!». Вот Хэртова стрела с пищалкой ударяет меня в зад. Вот Сурт меня бьёт. И снова бьёт – по рёбрам. Я сгибаюсь пополам, и меня тошнит.

Видео ускоренно промоталось туда, где я уже стою, привалившись к перилам моста, а Сурт швыряет в меня своё огненно-асфальтовое ядро. Я вскидываю меч и промахиваюсь. Кусок асфальта прилетает мне в живот – здесь тысячи воинов хором выдохнули:

– О-о-о-о-о!

Сурт кидается на меня, и мы вместе валимся с моста, вцепившись друг в друга.

Тут видео замедлилось – мы с Суртом не успели долететь до воды, – и камера увеличила картинку. И тогда стало видно, что мой меч торчит из Суртова брюха, но при этом его рукоять не у меня в руках. Вместо оружия я держу Сурта за здоровенную шею.

По трапезной прокатилось неловкое бормотание.

– Нет, – сказал я. – Всё было не так... Видео подправили. Фейковая у вас киношка.

Лицо Сэм превратилось в камень. Гунилла за танским столом ухмыльнулась. Это всё она, догадался я. Её камера, она и смонтировала кадры.

Гунилла хотела унизить Сэм. Она специально выставила меня идиотом перед всеми. Задача, если честно, не из сложных.

Хельги опустил кубок:

– Самира аль Аббас... Изволь объясниться.

Сэм теребила край платка, словно ей хотелось натянуть его на голову, чтобы вся трапезная исчезла из виду. Я вполне мог её понять.

– Магнус Чейз пал смертью храбрых, – произнесла она. – Он вступил в поединок с Суртом.

Опять неловкое бормотание.

Поднялся один из танов:

– Ты утверждаешь, что это был Сурт. Огненный ётун: да, несомненно, но чтобы сам властелин Муспелльхейма...

– Я знаю, что я видела, владыка Эрик Кровавая Секира. Вот он, – Сэм гордо ткнула в меня пальцем, как в призового телёнка, – спас на мосту множество жизней. Вам показали не всю историю. Магнус Чейз действовал как герой. Он достоин быть среди павших.

Встал ещё один тан:

– На самом деле он пал не с оружием в руках.

– Владыка Оттар, – голос Сэм натянуто звенел, – таны уже делали исключения в таких случаях. Это чисто технический вопрос: держал ли Магнус меч в момент смерти или нет. В любом случае он пал смертью храбрых. Таков дух закона Одина.

Оттар насмешливо фыркнул:

– Спасибо тебе, Самира аль Аббас, дочь Локи, что поведала нам, каков дух закона Одина.

Уровень напряжённости в зале уже зашкаливал за 451 градус по Фаренгейту³³. Рука Сэм невольно потянулась к топору. Но, кажется, кроме меня, никто не видел, как дрожат её пальцы.

Локи... В кои-то веки знакомое имя! Я помнил, что в скандинавской мифологии Локи – великаний сын и самый большой прохиндей. И главный враг всех богов. Но если Сэм его дочь, то почему она тут? Как её занесло в валькирии?

Я случайно встретился взглядом с Гуниллой. Капитан определённо наслаждалась шоу – она едва сдерживала улыбку. Если она дочурка Тора, то это всё объясняет. В мифах Тор и Локи вечно норовили затеять драку.

Таны о чём-то совещались.

Наконец заговорил управляющий:

– Самира, мы не узрели ничего героического в гибели этого юноши. Мы видели гнома и эльфа с игрушечным оружием...

– Гнома и эльфа?! – встрял я, но Хельги не обратил внимания и продолжил:

– ...мы также видели огненного ётуна, который упал с моста и увлёк мальчика за собой. Сыны Муспелля редко показываются в Мидгарде, однако подобное уже случалось.

– Эка невидаль! – пробормотал тан с кустистыми бакенбардами. – Я вам вот что скажу. Супротив того верзилы, огненного ётуна, что подвизался с Санта-Аной при Аламо³⁴...

– Да, спасибо, владыка Крокетт. – Хельги прокашлялся. – Так вот, пока мы не видим подтверждений тому, что Магнус Чейз достоин Вальгаллы.

– Владыки, – Сэм говорила медленно, чётко произнося слова, как будто обращалась к детсадовцам, – видео недостоверно.

– Ты полагаешь, зрение нас подводит? – рассмеялся Хельги.

– Я полагаю, вам стоит послушать историю из моих уст. Рассказ о деяниях героя – наша давняя традиция.

– Прошу прощения, владыки, – встала Гунилла, – но Самира права. Возможно, мы должны дать слово дочери Локи.

В трапезной загалдели и заулюлюкали. Кто-то выкрикнул:

– Нет! Нет!

Хельги жестом призвал воинов к молчанию:

– Гунилла, ты исполняла долг, защищая сестру-валькирию. Однако мы знаем, что Локи всегда славился сладкоречием. Я бы предпочёл видеть историю своими глазами, а не внимать хитроумным объяснениям.

Воины зааплодировали.

Гунилла пожала плечами: мол, все видели – я сделала что могла. И уселась на место.

– Магнус Чейз! – возгласил Хельги. – Известны ли тебе твои родители?

Я мысленно сосчитал до пяти. Моим первым порывом было заорать: «Нет, но мой папашка из ваших был тот ещё засранец!»

– Я не знаю, кто мой отец, – признался я. – Но послушайте, насчёт того видео...

– Вероятно, у тебя есть потенциал, неведомый нам, – заявил Хельги. – Вероятно, ты сын Одина, или Тора, или иного благородного бога, и твоё присутствие в наших рядах делает нам честь. Мы взыскуем мудрости рун, если сам Всеотец не пожелает дать ответ.

³³ Очевидно, Магнус читал знаменитый роман-антиутопию Рэя Бредбери «451° по Фаренгейту», где речь идёт о сожжении книг. Американцы, в отличие от европейцев, пользуются шкалой Фаренгейта: 451 градус по Фаренгейту – это чуть больше 232 градусов по Цельсию.

³⁴ *Генерал Антонио Лопес де Санта-Ана* (1795–1876) – прославленный мексиканский полководец, которого даже называли «Наполеоном Запада», многократный президент и диктатор Мексики. Битва при Аламо (1836), в которой сражался Дэви Крокетт, – одно из важнейших событий так называемой Техасской революции: Техас, входивший в состав Мексики, при активном участии Дэви Крокетта поднял мятеж и на короткое время стал независимым государством.

Хельги вытаращился на по-прежнему пустующий трон. Вороны зыркали на меня голодными чёрными глазами.

– Ну что ж, – вздохнул Хельги. – Пусть явится вёльва и...

Меж корней дерева, там, где водопад обрушивался в тёмное озеро, вздулся огромный пузырь. «ЧПОК!» – и на поверхности воды стоят три женщины в белых саванах.

В трапезной воцарилось гробовое молчание. Тишину нарушали только потрескивание огня да звук водопада. Тысячи воинов, остолбенев, наблюдали, как три женщины, скользя по водной глади, направляются ко мне.

– Сэм! – испуганно зашептал я. – Сэм, что происходит?!

Сэм бессильно уронила руку, выпустив топорище.

– Норны, – выдавила она. – Сами норны явились предсказать тебе судьбу.

Глава 16. Норны. Ну почему норны?!

НЕТ, ПРАВДА, ПОЧЕМУ МЕНЯ никто не предупредил о скорой гибели? Почему никто не сказал мне: «Эй, завтра ты рухнешь с моста и станешь павшим викингем, так что иди-ка почитай что-нибудь про Вальгаллу».

Я чувствовал себя весьма и весьма неподготовленным.

То есть в принципе про норн я слышал. Что это такие дамочки, которые держат в руках судьбы смертных. Но я понятия не имел, как их зовут, что им надо и как себя с ними вести, чтобы не осрамиться. Мне положено кланяться? Или подносить дары? Или удирать с воплями куда глаза глядят?

Сэм пробормотала мне в ухо:

– Это плохо. Норны приходят в исключительных случаях.

Я не хотел быть исключительным случаем. Я хотел быть простым случаем из серии «Молодец, Магнус. Ты герой. Вот тебе печенка».

Или вот ещё лучше: «Ой. Прощения просим, обознались. Возвращайся к прежнему размеренному житью».

Не то чтобы моё прежнее размеренное житьё было сплошной восторг, но даже оно лучше дюжины бородатых мужиков по имени Эрик, которые говорят тебе, что ты не достоин их компании.

Норны приблизились, и стало видно, что они невероятно высокие – в каждой по меньшей мере футов девять росту. Лица под капюшонами были красивыми, но пугающими, мертвенно-бледными – даже глаза. За ними, как невестина фата, струился шлейф из тумана. Они застыли в футах двадцати от моего стола и обратили вверх, точно вылепленные из снега ладони.

– Магнус Чейз. – Я не понял, которая из норн заговорила. Мягкий бесплотный голос растёкся по трапезной, превращая мой череп в ледник. – Провозвестник Волка.

Воины в трапезной беспокойно заёрзали на стульях. «Провозвестник» – словечко из фэнтези. Но я-то тут при чём? Короче говоря, мне не понравилось, что меня назвали каким-то «провозвестником». И ещё меньше мне понравилось слово «волк».

Я уже всерьёз склонялся к сценарию «удирать с воплями куда глаза глядят». Но тут в руках у средней норны сгустился туман, и из него образовалось с полдюжины рунных камешков. Норна подбросила их вверх. Руны зависли над её головой – при этом каждая разрослась до размеров рекламного щита и засветилась белым.

Руны я читать не умею, но ту, что в середине, я узнал. Это была та самая, которую я вытянул из кисета в кабинете у дяди Рэндольфа.

– «Феху», – промолвил холодный голос. – Руна Фрейра.

Воины завозились, погромыхая доспехами.

Фрейр... Что ещё за Фрейр? Мозги у меня сковало льдом, а мысли еле-еле ворочались.

Тут норны заговорили все вместе, их потусторонние голоса зазвучали хором, сотрясая крону исполинского дерева:

*Выбор неверен, смерть неверна.
Вальгалла герою не суждена.
Девять дней держит солнце путь на восток,
Пути зверя разрубит Летний Клинок.*

Сияющие руны растаяли. Три норны поклонились мне. А потом слились с туманом и исчезли.

Я обернулся к Сэм:

– И часто у вас такое бывает?

Сэм как будто врезали Гуниллиным молотком промеж глаз:

– Нет. Я не могла ошибиться, выбрав тебя. Мне сказали... Мне обещали...

– Так тебе кто-то сказал меня подобрать?

Вместо ответа Сэм зашептала что-то себе под нос – как если бы делала лихорадочные расчёты для ракеты, сбившейся с курса.

Владыки за танским столом опять совещались. Тысячи эйнхериев по всей трапезной не сводили с меня пристальных взглядов. Мой желудок успешно освоил оригами и складывался в разные фигурки.

Наконец Хельги обратился ко мне:

– Магнус Чейз, сын Фрейра, судьба твоя тревожит нас. Владыки Вальгаллы должны ещё поразмыслить над нею. А пока что мы приветствуем тебя в своих рядах. Отныне ты эйнхерий. Даже если это было ошибкой, изменить ничего нельзя. – Сурово нахмурившись, управляющий посмотрел на Сэм. – Сама аль Аббас, норны признали твой выбор ошибочным. Есть ли тебе что сказать в своё оправдание?

Сэм вытаращила глаза, как будто её вдруг озарило:

– Сын Фрейра... – Она обвела зал безумным взглядом. – Эйнхерии, разве вы не понимаете?! Это сын Фрейра! Сам Сурт был на том мосту! То есть меч... – Сэм развернулась к столу танов. – Гунилла, ты-то должна понимать, что это значит. Мы должны найти тот меч! Нужно объявить квест! Немедленно!

Хельги стукнул кулаком по столу:

– Довольно! Сама, ты совершила роковую ошибку и будешь осуждена за это. Не тебе указывать нам, что делать. И уж тем более не тебе объявлять квест!

– Я не совершала ошибки, – возразила Сэм. – Я выполняла приказ! Я...

– Приказ? – Хельги недобро сощурился. – Чей приказ?

Сэм стиснула губы. Видимо, она сдулась.

Хельги мрачно кивнул:

– Я понял. Капитан Гунилла, желаешь ли ты сказать своё слово перед тем, как я объявлю приговор этой валькирии?

Гунилла колебалась. Блеск в её глазах померк. Она походила на человека, который уселся на карусельную лошадку, но внезапно обнаружил, что мчится на американских горках, откуда нет выхода.

– Я... – Гунилла качнула головой. – Нет, владыка. Мне... мне нечего добавить.

– Ну что же, – сказал Хельги. – Сама аль Аббас, за совершённую тобой в отношении эйнхерия Магнуса Чейза ошибку таны исключают тебя из сестринства валькирий. Отныне ты лишаешься всех своих способностей и привилегий. Возвращайся в Мидгард с позором!

Сэм схватила меня за руку:

– Магнус, слушай меня. Ты должен найти меч. Ты должен им помешать...

Словно щёлкнул фотоаппарат: вспышка – и Сэм пропала. Лишь недоеденное мясо да крошки вокруг стула говорили о том, что она была тут.

– Итак, пир окончен! – подытожил Хельги. – Увидимся завтра на поле брани! Спите спокойно, и пусть вам снятся сны о славной смерти!

Глава 17. Я бицепсы не заказывал!

СПАЛ Я БЕСПОКОЙНО. И никакие сны о славной смерти мне не снились. Был там-то, делал то-то, очутился в загробном мире.

Пока я ужинал, мой диван починили и поставили на место. Я уселся на него и пролистал большим пальцем свою детскую книжку скандинавских мифов. Про Фрейра там обнаружилось немного. На крошечной картинке был изображён блондин в тунике, резвящийся в лесу, а рядом с ним – блондинка, у ног которой играла пара котиков.

«Фрейр был богом весны и лета! – гласила подпись под картинкой. – Он был богом богатства, изобилия и плодородия! Его сестра-близнец Фрейя, богиня любви, была прехорошенькой! И у неё были котики!»

Я отшвырнул книжку в сторону. Зашибись. Мой папаша – какой-то игривый купидончик, резвящийся в лесах! Небось вылетел с треском ещё из первого фильма про Тора³⁵.

Нанесло ли мне это психологическую травму? Да не то чтобы. Можете мне не верить, но меня никогда всерьёз не волновало, кто мой отец. Я никогда всерьёз на эту тему не загонялся: «Вот узнаю, кто мой отец, – и моя жизнь обретёт смысл». Я и так знал, кто я. Я сын Натали Чейз. А что до смысла жизни... Я таких странностей навиделся, что по поводу смысла жизни у меня иллюзий нет.

И всё же у меня осталась куча вопросов из серии «зачем, почему и как?». Первым в списке шёл вопрос: как у беспризорника вроде меня может быть отцом бог изобилия и богатства? Злая получается шутка.

И ещё: что от меня понадобилось этому громиле Сурту? Если он правда властелин Муспелльхейма, верховный король ада пекла, то почему бы ему не забрать с собой кого-нибудь поинтереснее – скажем, детишек Тора? Про Тора хоть кино снимают. А у этого Фрейра даже котиков своих нет. У сестрицы одалживает.

А меч лета... Допустим, это тот клинок, который я выловил со дна реки Чарльз. Тогда как он там оказался? И почему этот меч так важен? Дядя Рэндольф потратил годы на его поиски. И последние слова Сэм тоже были о мече – что нужно его найти. Если меч принадлежал моему отцу, а мой отец – бессмертный бог, то с какой стати его меч провалился тысячу лет на дне реки?!

Я уставился на пустой камин. Стишок норн всё крутился у меня в голове, как ни старался я его оттуда выкинуть.

«Провозвестник волка». В книжках провозвестником называют того, кто оповещает о наступлении какой-то могучей силы. Или видит багровое небо перед приближением урагана. Мне не хотелось быть провозвестником волка. Мне этих волков хватило при жизни за глаза и за уши. Пусть я лучше буду провозвестником мороженого или фалафеля.

Выбор неверен, смерть неверна.

Теперь-то уж поздно: после драки кулаками не машут. Я на веки вечные долбаный эйнхерий. На двери моё имя. И у меня ключ от мини-бара.

Вальгалла герою не суждена.

³⁵ Магнус имеет в виду тетралогия о Торе компании Marvel, которая, как вы наверняка знаете, не только выпускает комиксы, но и снимает по ним фильмы. Первый фильм о Торе вышел в 2011 году.

А вот это мне нравится. Может, это означает, что я могу свалить отсюда? Хотя скорее это означает, что таны могут развоплотить меня одним пшиком или скормить чудо-козе.

*Девять дней держит солнце путь на восток,
Пути зверя разрубит Летний Клинок.*

Вот эти строчки меня тревожили больше всего. По моим последним сведениям, солнце держит путь не на восток, а на запад. И что за зверь? Спорю на что угодно – это опять драный волк. Но если мечу суждено освободить волка, тогда пускай этот меч никто не найдёт.

В памяти всплыло что-то смутное насчёт связанного волка. Я уставился на детскую книжку с мифами. Может, заглянуть туда ещё разок? Нет, не надо: и так я весь на нервах.

«Магнус, слушай меня, – сказала мне Сэм. – Ты должен найти меч. Ты должен им помешать...»

К Самире аль Аббас у меня вообще-то имелся ряд претензий. Я всё ещё дулся на неё за то, что притащила меня сюда – тем более, выходит, притащила-то по ошибке. Но я вовсе не хотел, чтобы её вышвырнули из валькрий только за чьё-то самодельное видео, где я выгляжу, как последний кретин. (Ну ладно, просто чуть больший кретин, чем всегда.)

«Надо поспать», – решил я. Усталости я не ощущал, но если и дальше буду ломать голову над всем этим, у меня мозг взорвётся.

Я попробовал устроиться на кровати. Очень уж мягко. В итоге я развалился на траве в атриуме, глядя сквозь ветви на звёзды.

В какой-то момент я, должно быть, всё-таки уснул.

Меня разбудил резкий звук: хрустнула ветка. Потом кто-то ругнулся.

Небо в вышине серело в преддверии рассвета. На меня упало, кружась, несколько листьев. Ветки покачивались, будто по ним пролез кто-то тяжёлый.

Я лежал не шевелясь и прислушивался. Ничего. Или мне послышался этот голос?

Я заметил подсунутую под дверь записку.

Я осторожно сел.

А вдруг это мне принесли счёт? И меня выписывают из отеля? Я нерешительно приблизился к двери.

Дрожащей рукой я развернул записку. Это оказался не счёт. На бумажке было выведено красивым наклонным почерком:

*Привет, сосед!
Приходи в гостиную в 19 завтракать с нами. По коридору налево. Возьми
с собой оружие и доспехи.
Т. Дж.*

Т. Дж. – это Ти Джей, Томас Джефферсон Младший, парень из номера напротив.

С чего бы ему приглашать меня на завтрак после вчерашнего? И при чём тут доспехи с оружием? Видимо, викингские тосты с маслом дадут мне отпор.

Мне до зарезу хотелось спрятаться у себя в номере и забаррикадировать дверь. Может, хоть тогда все от меня отстанут. И пока воины увлечённо предаются йоге не на жизнь, а на смерть, я потихоньку сбегу и поищу выход в Бостон.

Это с одной стороны. А с другой – мне нужны ответы. У меня не шло из головы, что где-то тут, где собрались все героически павшие, должна быть и моя мама. Или кто-нибудь здесь знает, в какой загробный мир она ушла. Этот Ти Джей вроде бы вполне дружелюбно настроен. Можно пока потусить с ним, а там посмотрим, что он скажет.

И я поплёлся в туалет.

Я опасался, что туалет окажется какой-нибудь викингской камерой пыток, истыканной топорами и луками, стреляющими после смыва воды в унитазе. Но оказалось, туалет как туалет. Не страшнее общественных уборных в парке Бостон Коммон.

Шкафчик в ванной был заполнен моими обычными умывальными принадлежностями... в смысле такими, которыми я пользовался, когда ещё жил дома.

А душ... Я попытался вспомнить, когда я в последний раз спокойно стоял под горячим душем. Ну да, в Вальгаллу я прибыл вымытым и высушенным с помощью магии, но после тревожной ночи под деревом я был не прочь отскрестись дочиста старым добрым способом.

Я стащил с себя все свои футболки и фуфайки и чуть не заорал благим матом.

Что случилось с моей грудью?! Откуда у меня такие руки?! И что это за вздутия у меня на теле?!

Обычно я на себя в зеркало старался не смотреть. Потому что моё отражение – это не то, чем я готов любоваться изо дня в день. Но сегодня от зеркала было не отвертеться.

Волосы остались прежними – правда, чуть менее засаленными и спутанными. Но они хотя бы так же свисали до подбородка светлой немой завесой, разделённой пробором посередине.

«Вылитый Курт Кобейн», – поддразнивала меня мама. Не вопрос, мне нравился Курт Кобейн. Мне только не нравилось, что он умер³⁶.

«Прикинь, мам, – мог бы сказать я, – теперь-то я точно вылитый Курт Кобейн. Во всём».

Глаза у меня серые – скорее, не как у мамы, а как у Аннабет. И взгляд немного потусторонний. Какая-то у меня в глазах зияет страшенькая пустота. Оно, кстати, и к лучшему. На улице этот странный взгляд не раз меня выручал.

А вот всё остальное тело я узнавал с трудом. Я всю жизнь был заморышем – с тех самых пор, как заболел астмой ещё в раннем детстве. И все наши с мамой пешие походы не помогали: грудь впалая, ребра торчат, а кожа такая бледная и прозрачная, что вся дорожная карта из синих вен, как на ладони.

А сейчас... на моём теле вздулись какие-то бугры, которые подозрительно смахивали на мускулы.

Нет, вы не думайте: не то чтобы я в одночасье превратился в Капитана Америку³⁷. Я по-прежнему был худой и бледный, но мои руки обрели какую-то... оформленность. И грудь больше не выглядела так, словно любой порыв ветра переломает мне рёбра. Кожа сделалась более гладкой, не такой просвечивающей. Все царапины, укусы, сыпи, которые были у меня от бездомной жизни, враз исчезли. Исчез даже шрам на левой ладони – это я порезался охотничьим ножом, когда мне было десять лет.

И я вспомнил, какую силу почувствовал в себе, когда прибыл в Вальгаллу. Как играючи швырнул диван через всю гостиную. Это наверняка случайностью не было.

Как там Хундинг сказал... апгрейд?

Я сжал кулак.

Даже не знаю, что на меня нашло. Уже целые сутки меня переполняли гнев, страх и неуверенность. И когда я осознал, что даже моё тело уже как бы и не моё, это всё достигло критической отметки. Меня силком выдернули из жизни. Мне угрожали, меня выставляли на посмешище и против моей воли апгрейдили. Я не заказывал номер люкс. Я не заказывал бицепсы.

Так и врезал бы им всем.

³⁶ Курт Кобейн (1967–1994) – лидер легендарной американской группы «Нирвана», один из самых выдающихся в мире гитаристов. Ну, и да: он умер – довольно рано и трагично. Долгая история.

³⁷ Весьма мускулистый супергерой из марвеловских комиксов.

Собственно, я и врезал. Кулаком по стене. Кулак прошёл сквозь кафель, гипсокартон и распорку толщиной два на четыре дюйма. Я выдернул руку. Пошевелил пальцами. Хоть бы один сломался.

Я рассматривал проделанную мною дыру в форме кулака над вешалкой для полотенец.

– Ага, – проворчал я. – Я просто создан для комфорта.

Душ помог мне успокоиться. Я завернулся в халат с вышитыми буквами «ОВ» и пошлёпал к шкафу. Надо же ещё одеться во что-то. В шкафу меня ждали трое голубых джинсов, три зелёные футболки (все с надписью «ОТЕЛЬ «ВАЛЬГАЛЛА»»), белье, носки, пара добротных кроссовок и меч в ножнах. К гладильной доске был прислонён круглый зелёный щит с нарисованной посередине золотой руной Фрейра.

Ну ладно. Зато не надо мучиться, выбирая, что надеть.

Минут десять я возился с ножнами, так и этак пристраивая их на поясе. Я, между прочим, левша. Значит, меч надо повесить справа? И вообще: мечи для левшей как-то отличаются от мечей для правшей?

Я попытался вытащить меч и едва не рассёк себе штанину. О да, на поле брани я буду суперзвездой.

Я немного помахал мечом. Я ждал, что он начнёт так же гудеть и направлять мою руку, как тот меч на мосту, когда я сражался с Суртом. Но нет. Видимо, этот меч – обычный кусок железа, без звукового сопровождения и функции автопилота. Мне кое-как удалось засунуть его в ножны и не лишиться при этом пальцев. Щит я залихватски забросил за спину по примеру воинов на вчерашнем пиру. Ремень врезался в шею, едва не придушив.

Я снова посмотрел на себя в зеркало.

– Вы, сэр, – пробормотал я себе, – настоящее унылое чмо.

Отражение спорить не стало.

И я отправился искать завтрак, дабы пронзить его своим мечом.

Глава 18. Я вступаю в смертельную схватку с яичницей

– А ВОТ И ОН. – Ти Джей поднялся и пожал мне руку. – Присоединяйся к нам. Шикарный выход ты вчера устроил!

Он был одет так же, как и вчера: в синий шерстяной мундир поверх зелёной отельной футболки плюс джинсы и кожаные сапоги.

Рядом с ним сидели полутроль по имени Икс, рыжеголовая Мэллори Кин и парень, в котором я угадал Хафборна Гундерсона. Выглядел он как Робинзон Крузо на анаболиках: рубаха сшита из меховых лоскутов от разных зверей, кожаные штаны изорвались в лохмотья. В неухоженной даже по викингским меркам бороде застряли куски сырного омлета.

Четверо моих соседей по этажу потеснились, давая мне место. Очень любезно с их стороны.

По сравнению с трапезной девятнадцатая гостиная казалась милым укромным уголком. По всей комнате была расставлена дюжина столов – по большей части пустых. В одном углу перед потрёпанным диваном потрескивал камин. Вдоль другой стены тянулся шведский стол, на котором чего только не было. Включая то, что я и вообразить-то не мог.

Ти Джей с компанией расселись перед большим панорамным окном, которое выходило на бескрайнее ледяное поле и кружащиеся снежинки. После моего зелёного атриума это несколько ошарашивало, но я уже начал привыкать, что с географией отеля всё непросто.

– Это Нифльхейм, – пояснил Ти Джей. – Царство льда. В течение дня вид меняется, тут проходят все Девять миров.

– Девять миров... – Я уставился на свою яичницу-болтунью, гадая, из какой галактики её доставили. – Я всё время слышу про Девять миров. Как-то не верится.

Мэллори Кин сдула с пончика сахарную пудру:

– А ты поверь, приятель. Я вот в шести из них побывала.

– А я в пяти, – ухмыльнулся Хафборн Гундерсон, демонстрируя весь остальной сырный омлет. – Мидгард, ясно, не в счёт. Это мир людей. Я бывал в Альвхейме, Нидавеллире, Ётунхейме...

– ...в волшебном мире Диснея, – вставил Икс.

Мэллори вздохнула. С её рыжими волосами, зелёными глазами и сахарной пудрой вокруг рта она напоминала перекрашенного наоборот Джокера.

– Сколько раз тебе объяснять, дубина ты этакая: Диснейленд – не один из Девяти.

– А чего тогда он зовётся миром? – Довольный столь неотразимым доводом, Икс кивнул и снова принялся за еду – высосал мясо из панциря какого-то ракообразного.

Ти Джей отодвинул в сторону пустую тарелку:

– Не знаю, Магнус, станет ли тебе понятнее, но Девять миров – это не девять разных планет. Это скорее... разные измерения, разные слои реальности, соединённые Мировым Древом.

– Спасибо, – кивнул я. – Ещё больше путаницы.

– Да уж, не без этого, – рассмеялся Ти Джей.

– Мировое Древо – это то, которое в трапезной?

– Да нет, – покачала головой Мэллори. – Мировое Древо в разы больше. Скоро сам увидишь.

Это прозвучало угрожающе. Я попробовал сосредоточиться на еде. Получалось не очень, с учётом того, что рядом со мной Икс крушил зубами склизкого краба-мутанта.

Я указал на шинель Ти Джея:

– Это форма времён Гражданской войны?

– Рядовой пятьдесят четвёртого Массачусетского, друг мой. Я, как и ты, бостонский парнишка. Правда, попал сюда чуток пораньше.

Я произвёл мысленные вычисления:

– Ты погиб в сражении сто пятьдесят лет назад?

Ти Джей просиял:

– При штурме форта Вагнер, Южная Каролина. Моим отцом был Тюр, бог храбрости, закона и испытания боем. А моя мама – беглая рабыня.

Я силясь вместить всё это в мою картину мира: вот передо мной тинейджер из 1860-х годов, сын беглой рабыни и скандинавского бога, и мы с этим парнем как ни в чём не бывало жуём вместе завтрак на перекрёстке девяти измерений.

Тут Икс рыгнул, тем самым более или менее вернув меня к повседневности.

– Боги Асгарда! – пожаловалась Мэллори. – Ну и вонь!

– Прощения просим, – проворчал Икс.

– А тебя правда зовут Икс? – осведомился я.

– Нет. Меня зовут... – Полутроль произнёс какое-то слово, начинающееся с «кс» и длившееся полминуты.

Хафборн вытер руки о кожаную лоскутную рубаху:

– Понял, да? Выговорить это никто не в состоянии. Поэтому мы зовём его Икс.

– Икс, – согласился Икс.

– Тоже приобретение Самиры аль Аббас, – сообщил Ти Джей. – Икс как-то набрёл на собачий бой... ну, из этих, незаконных. Где, говоришь, в Чикаго?

– В Чи-ка-ка, – подтвердил Икс.

– Он увидел, что там творится, и взбесился. И давай всё крушить, мутузить игроков и освобождать собак.

– Собакам надо за себя драться, – изрёк Икс. – Не за алчных людишек. Собак нельзя в клетках держать.

Спорить с таким амбалом мне не хотелось, но в то же время не скажу, что мысль о диких псах, дерущихся за себя, приводит в восторг. Этак и до волков недалеко. Которых мне ещё, на минуточку, провозвещать.

– Как бы то ни было, – продолжил Ти Джей. – Драка переросла в настоящую битву: Икс против шайки гангстеров с автоматами. Они его убили, но Икс уложил немало поганцев и освободил множество собак. И когда это было... с месяц назад?

Икс покряхтел в ответ, не переставая высасывать креветку.

Ти Джей развёл руками:

– Самира сочла его достойным и принесла сюда. И ей тут крепко влетело.

– Мягко говоря, – фыркнула Мэллори. – Троль в Вальгалле! Казалось бы, какие пустяки!

– Полутроль, – поправил Икс. – И это моя лучшая половина, Мэллори Кин.

– Икс, она это не со зла, – утешил его Ти Джей. – Просто предрассудки очень устойчивы.

Когда я попал сюда в тысяча восемьсот шестьдесят третьем, меня тоже не сказать, чтобы приняли с распростёртыми объятиями.

Мэллори закатила глаза:

– Ну, ты-то их сразил своим обаянием. Нет, правда, девятнадцатому этажу вечно кости перемывают. И это всё из-за вас. А теперь ещё и Магнус.

Хафборн наклонился ко мне:

– Не обращай на неё внимания. Так-то она милашка. Если забыть, какая стерва, конечно.

– Заткнись, Хафборн.

Здоровяк хмыкнул:

– Она такая злая оттого, что пыталась обезвредить бомбу в машине собственным лицом.

Уши у Мэллори запылали, как рябина:

– И что ты... я вовсе... PPPP!

– Магнус, по поводу вчерашнего ты не переживай, – продолжал Хафборн. – Лет двадцать-тридцать – и народ всё позабудет. Поверь мне, я уже всякого насмотрелся. Я погиб во время вторжения викингов в Восточную Англию, пал под стягом Ивара Бескостного. Двадцать стрел я встретил грудью, защищая моего повелителя!³⁸

– О, – только и вымолвил я.

Хафборн непринуждённо пожал плечами:

– И выходит, я тут... дай посчитаю... двенадцать веков.

Я вытаращил на него глаза. Да, у Хафборна борода и гора мускулов, но всё равно на вид ему дашь максимум восемнадцать.

– А как тебе удалось столько здесь прожить и не свихнуться? И почему тебя зовут Хафборн?³⁹

Хафборн помрачнел:

– Сначала второй вопрос... Когда я родился, я был такой большой, сильный и безобразный, что мама сказала, будто я лишь наполовину рождён, а наполовину высечен из камня. Вот так и приклеилось.

– Ты и сейчас безобразный, – проворчала Мэллори.

– А что до того, как не свихнуться... Это не у всех получается, Магнус. Жить в ожидании Рагнарёка нелегко. Главное – всё время чем-то заниматься. Здесь предусмотрена куча всяких дел. Вот я, например, освоил больше десятка языков, включая английский. Ещё я защитил диссертацию по германской литературе и научился вязать.

Ти Джей кивнул:

– Вот для этого я и позвал тебя завтракать с нами, Магнус.

– Чтобы научить вязать?

– Чтобы занять тебя чем-то! Сидеть одному в номере очень опасно! Если не будешь выходить – начнёшь угасать. Некоторые из старожилов... – Ти Джей прокашлялся. – Впрочем, неважно. Отныне ты живёшь здесь. И не забывай показываться на людях каждое утро до самой Гибели Богов. Тогда всё будет хорошо.

Я смотрел из окна на кружащиеся снежинки и раздумывал о предупреждении Сэм насчёт меча, о норнах, предрёкших беду через девять дней.

– Вы сказали, что бывали в Девяти мирах. Это значит, вы можете покидать отель?

Мои соседи обменялись смущёнными взглядами.

– Да, – ответил Хафборн. – Но наша главная работа – ждать Рагнарёка. Тренировки, тренировки, тренировки.

– Трень-трень-трень каждый день, – откликнулся Икс. – Трень-брень-дребедень. Как песенка в волшебном мире Диснея.

Вероятно, это была шутка. Хотя по лицу полутролля сказать было трудно, поскольку выражений у этого лица было два: жидкий цемент и застывший цемент.

– Время от времени, – прибавил Ти Джей, – эйнрехиев отправляют в другие миры с поручениями.

– Например, отслеживать монстров, – вставила Мэллори. – Убивать великанов, которые вламываются в Мидгард. Обузывать ведьм и упырей. И ловить нарушителей.

– Упырей? Нарушителей? – переспросил я.

³⁸ *Ивар Бескостный* (Ивар Рагнарссон) – живший в IX веке знаменитый викинг, который славился своей свирепостью. Вместе с братьями он возглавил победоносный поход на англосаксонские королевства Восточная Англия и Нортумбрия, якобы с целью отомстить за отца. Отец Ивара – Рагнар Лодброк (или Рагнар Кожаные Штаны) – ещё более известная фигура в викингском мире. Он прославился многими ратными подвигами: например, взятием Парижа в 845 году. Правда, попытки завоевать Англию закончились для Рагнара не очень удачно: король Нортумбрии умиротворил его в яме со змеями. По этому поводу его сыновья во главе с Иваром Бескостным и затеяли «великий языческий поход», в котором стяжал посмертную славу Хафборн Гундерссон.

³⁹ *Хафборн* (Halfborn) – «полурождённый».

– Штука в том, – сказал Хафборн, – что мы покидаем Вальгаллу только по приказу Одина или танов.

– Но гипотетически я могу попасть на землю, то есть в Мидгард или куда-то ещё, – уточнил я.

– Гипотетически можешь, – подтвердил Ти Джей. – Слушай, у тебя из-за этой истории с нормами, должно быть, ум за разум зашёл, но мы ведь пока не знаем, что означает пророчество. Пусть таны над ним поразмыслят и решат, как быть. А тебе не стоит кидаться куда-то очертя голову и творить всякие глупости.

– Да смилуются над нами боги, – скривилась Мэллори. – Мы-то сами глупостей никогда не творим. Ночная вылазка за пиццей в Сантарпио⁴⁰ не в счёт. Её вообще не было.

– Молчи, женщина, – прорычал Хафборн.

– Женщина?! – Мэллори потянулась к кинжалу, висящему у неё на поясе. – Базар филь-труй, хомяк ты шведский.

– Погодите, – вмешался я. – Вы знаете, как пробраться наружу?

Ти Джей громко покашлял:

– Прости, я тебя не расслышал. Разумеется, ты не спрашивал ни о чём противоправном, Магнус. Сам посуди: вот вернёшься ты сейчас в Мидгард – и что ты скажешь тем, кто тебя знал? Все считают тебя погибшим. Обычно если мы и выбираемся назад, то лишь после того, как умрут все, кто нас помнит. Так гораздо легче. К тому же эйнхерию нужно какое-то время, чтобы силы его окрепли.

Я попытался представить, как я торчу тут и жду год за годом. Не то чтобы у меня много друзей и родни – возвращаться мне особо не к кому. Но и сидеть тут сиднем – так себе развлечение. Веками учить языки и вязать свитера. Если Самира сказала правду, моя мама не в Вальгалле... И я должен её найти, где бы она ни была.

– Но можно же уходить без разрешения, да? – допытывался я. – Не насовсем, а на время.

Ти Джей неловко поёрзал на стуле.

– У Вальгаллы есть выходы во все миры. Отель так устроен. Большинство выходов охраняется, но... в Бостоне путей много, недаром он центр Мидгарда.

Я обвёл взглядом соседей. Никто не смеялся.

– Центр Мидгарда?

– Ну да, – кивнул Ти Джей. – Бостон – прямо на стволе Мирового Древа, а оно и есть кратчайший путь в любой из миров. Как, по-твоему, почему Бостон прозвали Сердцем Вселенной?⁴¹

– Выдавали желаемое за действительное?

– Нет. Смертные всегда знали, что в этом месте что-то есть, хотя и не могли определить, что именно. Викинги годами искали центр мира. Они знали, что вход в Асгард должен быть где-то на Западе. Вот почему они так стремились в Северную Америку. И когда они встретились с коренными американцами...

– Мы звали их скрелингами, – заметил Хафборн. – Отвязные воины. Мне они пришлись по душе⁴².

– Выяснилось, что у здешних жителей оказалось полно историй про загробный мир, который кажется им совсем близким. И потом, когда прибыли пуритане... это видение Джона Уин-

⁴⁰ *Пиццерия Сантарпио* – один из самых знаменитых ресторанов Восточного Бостона.

⁴¹ Как вы уже поняли, *Бостон* – город с историей. Поэтому разных прозвищ у него наберётся с десяток. Сердцем Солнечной системы окрестил свой город врач, поэт и писатель Оливер Уэнделл Холмс (1809–1894) – вероятно, в насмешку над самодовольными, заикленными на себе горожанами. Но тех его сарказм ни капли не смутил, скорее наоборот: молва быстро превратила Бостон из Сердца Солнечной системы в Сердце Вселенной.

⁴² *Скрелингами* викинги называли коренных жителей Гренландии и Северной Америки – скорее всего, это были эскимосы и, возможно, представители каких-то индейских племён.

тропа, сияющий «Град на холме»⁴³. Это не просто поэтический образ. Уинтроп видел самый настоящий Асгард, проступивший в других мирах. А салемские ведьмы? Это же истерия по поводу магии, что просачивается в Мидгард⁴⁴. И Эдгар Аллан По родился в Бостоне. Его самое знаменитое стихотворение «Ворон» тоже не случайность. Оно об одном из Одиновых священных воронов⁴⁵.

– Хватит. – Мэллори смерила меня недовольным взглядом. – Спроси Ти Джея, «да» или «нет» – и он будет разливаться вечность. Ответ: да, Магнус. Покидать Вальгаллу можно как с разрешения, так и без него.

Икс хрустнул крабьей клешней:

– Но тогда ты не бессмертный.

– Верно, – кивнул Ти Джей. – Это вторая серьёзная проблема. В Вальгалле ты насовсем умереть не можешь – будешь постоянно воскресать. Это часть тренировки.

Я вспомнил того парня, которого у меня на глазах пронзило копьё, а потом его уволокли волки. Хундинг ещё сказал, что к ужину погибший будет как новенький.

– А за пределами Вальгаллы?

– Во всех Девяти мирах ты по-прежнему эйнхерий, – ответил Ти Джей. – Ты быстрее, сильнее и неуязвимее любого простого смертного. Но если ты умираешь вне Вальгаллы – ты умираешь. Совсем. Твоя душа отправляется в Хельхейм. Или, как вариант, ты растворяешься в предвечном ничто – бездне Гуннунгагап. Трудно сказать заранее. Но в любом случае рисковать не стоит.

– Разве что... – Хафборн выковырял часть омета из бороды. – Разве что он и впрямь нашёл меч Фрейра и легенды гласят правду...

– У Магнуса сегодня первый день, – перебил его Ти Джей. – Давай пока в это не вдаваться. Он и так уже очумел.

– Я готов очумевать и дальше, – заверил я. – Так что там с легендами?

В коридоре пропел рог. Эйнхерии за другими столами начали подниматься и убирать тарелки.

Хафборн с энтузиазмом потёр руки:

– Разговоры подождут. Время битвы!

Ти Джей поморщился:

– Магнус, мы, наверное, должны рассказать, что бывает с новичками в первый день. Ты, главное, не пугайся, если...

– Ой, помолчи, – шикнула на него Мэллори. – А то сюрприз испортишь! – И она одарила меня сахарно-пудреной улыбкой. – Жду не дожусь поглядеть, как новичка четвертуют!

⁴³ Джон Уинтроп (1588–1649) – губернатор Колонии Массачусетского залива. В 1630 году он возглавил очередную экспедицию пуритан в Новый Свет. В знаменитой проповеди Уинтропа «Образец христианского милосердия» говорится о «Граде на холме», который предстоит построить пуританам в Америке и который станет примером для подражания во всём мире. Было ли у Уинтропа видение о «Граде на холме» – это вопрос спорный. А вообще «Град на холме» он не придумал, а позаимствовал из Нагорной проповеди Иисуса Христа (Евангелие от Матфея). Пуритане считали себя избранными Богом, поэтому колонизация Америки представлялась им важной религиозной миссией.

⁴⁴ Салем – это пуританский город в Массачусетсе, получивший всемирную известность благодаря громкому судебному процессу над салемскими ведьмами (1692). Началось всё с того, что двух девочек обвинили в одержимости дьяволом, после чего жителей города охватила истерия: обвинения стали сыпаться одно за другим, и в итоге 150 человек были арестованы, а 19 из них казнены.

⁴⁵ Лонгфелло не единственный прославленный бостонский литератор. Эдгар Аллан По (1809–1849) – один из самых загадочных, мрачных и трагических поэтов Америки – родился в Бостоне. Кстати, знаменит он не только стихотворением «Ворон» – помимо стихов По писал ещё и психологические детективы. И не просто писал, а являлся создателем этого жанра.

Глава 19. И не смейте звать меня Бобом Печёным. Никогда, ясно?!

Я ПОВЕДАЛ НОВЫМ ДРУЗЬЯМ, что у меня аллергия на четвертование. Они заржали и препроводили меня на поле брани. Вот почему я ненавижу заводить друзей.

Поле брани простиралось так далеко и широко, что никак не укладывалось в голове.

В старые добрые беспризорные деньки я любил летом вздремнуть на какой-нибудь крыше. И оттуда весь Бостон открывался как на ладони: от стадиона Фенуэй до Банкер-Хилла. Так вот, поле битвы в Вальгалле оказалось больше. Приблизительно три квадратных мили – куча места для вашей прикольной смерти! – и это пространство как-то помещалось в стенах отеля словно внутренний двор.

По четырём сторонам возвышались стены здания – кручи из белого мрамора, балконы с золотыми перилами. На некоторых балконах висели знамёна, какие-то были украшены щитами, а какие-то оснащены катапультами. Верхние этажи терялись где-то в мглистом сиянии небес – белые, как неоновые лампы.

В центре поля торчало несколько скалистых холмов. Пейзаж разнообразили купы деревьев. По внешнему краю нескончаемой чередой тянулись луга, их пересекала извилистая река, шириной примерно как Чарльз. По берегу рассыпалось несколько деревушек – очевидно, для любителей уличных боёв.

Из сотен дверей в стенах, окружающих поле брани, батальонами высыпали воины – резкий свет играл на их доспехах. У некоторых эйнхенриев доспехи были полные, как у средневековых рыцарей. Другие предпочитали кольчужные рубахи и штаны в сочетании с ботинками в стиле «милитари». А кто-то облачился в камуфляж и держал в руках автомат Калашникова. Один парень был только в плавках фирмы «Спидо». Он разрисовал всё тело синим и вооружился исключительно бейсбольной битой. Его грудь пересекала надпись «А ну давай, бро»⁴⁶.

– Я, кажется, недостаточно экипирован, – сказал я.

Икс хрустнул костяшками:

– Победу приносит не доспех. И не оружие.

Ему-то легко говорить. Он больше, чем некоторые суверенные нации.

Хафборн Гундерсон решил практиковать минималистский подход – он содрал с себя всё, оставшись в одних легинсах. Правда, при этом Хафборн щеголял с двумя здоровыми двулезвийными секирами жуткого вида. Рядом с кем-то другим он казался бы великаном. Но рядом с Иксом Хафборн выглядел как двухлетка... с бородой, мускулатурой и секирами.

Ти Джей примкнул штык к винтовке:

– Магнус, если тебе нужно больше базовой экипировки, то придётся или захватить её в бою, или выторговать. Оружейни в отеле принимают к оплате червонное золото или работают на бартерной основе.

– А ты там заполучил винтовку?

– Нет, с этим оружием в руках я погиб. Я тут почти им не пользуюсь. Эйнхериев пули, считай, что и не берут. Видел тех парней с автоматами? Это всё больше для показухи. Они самые безобидные ребята на всём поле брани. Но видишь этот штык? Костяная сталь, подарок отца. Костяная сталь работает на ура.

– Костяная сталь.

– Ага. Ничего, привыкнешь.

⁴⁶ Это мем 2010-х годов, популярный благодаря музыкальному каналу MTV. В 2013 году DJ Phoenix исполнил песню с таким названием.

Моя ладонь, сжимающая меч, вспотела. Щит казался совершенно игрушечным.

– А мы против каких отрядов сражаемся?

Хафборн хлопнул меня по спине:

– Да против всех! Викинги сражаются небольшими группами, друг мой. Мы твои братья по оружию.

– А я сестра по оружию, – добавила Мэллори. – А некоторые – идиоты по оружию.

Хафборн пропустил эту реплику мимо ушей.

– Держись нас, Магнус, и... нет, с тобой всё хорошо не будет. Тебя убьют быстро. Но ты всё равно держись нас. Мы станем биться и сразим скольких сумеем!

– Таков наш план?

Хафборн склонил голову:

– А зачем нам план?

– Нет, иногда у нас есть план, – поправил Ти Джей. – По средам у нас осада, это более сложная операция. А по четвергам – драконы.

Мэллори выхватила меч и зазубренный кинжал:

– Сегодня всеобщая драка. Обожаю вторники.

С тысячи балконов разом протрубили рога. И эйнхерии ринулись в битву.

До нынешнего утра я не понимал, что значит выражение «кровавая баня». Но сегодня мы все оказались прямо в ней.

Только мы вступили в бой, как неизвестно откуда прилетел топор и воткнулся мне в щит, пробив дерево у самого локтя.

Мэллори издала вопль и метнула кинжал, который застрял в груди бросателя топора. Тот со смехом рухнул на колени.

– Лихо! – успел сказать он, перед тем как упал и умер.

Хафборн прорубался сквозь вражеские ряды, неистово орудуя секирами, – руки, ноги и головы отлетали только так. Вскоре Хафборн напоминал игрока в пейнтбол с одной краской – красной. До чего противно – ужас. И пугающе. А хуже всего знаете что? Для эйнхериев это была вроде как игра. Они убивали с упоением. А умирали так, словно кто-то вырубил их аватар в игре «Зов долга». Дурацкая игра, никогда не любил.

– Ай, вот фигня, – пробормотал один парень, изучая четыре стрелы, торчащие у него в груди.

– Завтра получишь у меня, Трикси! – выкрикнул другой и завалился на бок, пронзённый в живот копьём.

Ти Джей колол и отмахивался своим штыком направо и налево, распевая «Боевой гимн Республики»⁴⁷.

Икс прокладывал себе дорогу через полчища противников кулаками. Из его спины торчал, как иглы дикобраза, десяток стрел, но его это как будто не беспокоило. Каждый раз, когда кулаки Икса встречались, какой-нибудь эйнхерий делался двухмерным.

А что до меня, то я самым жалким образом ковылял рядом, придавленный ужасом, поднимая щит и выставив меч. Мне, конечно, сказали, что здешняя смерть – это не навсегда, но верилось в это с трудом. Толпа воинов с острыми предметами жаждала меня убить. А я не хотел убиваться.

Я исхитрился отбить удар меча и отразить щитом брошенное копьё. Одна девушка открылась для удара, и мне надо было бы её заколоть. Но я не смог – а зря. Потому что топор девицы вонзился мне прямо в ляжку. Боль прокатилась по телу до самой шеи.

Мэллори зарубила девицу:

– Давай, Чейз, шевелись! К боли потом привыкнешь.

⁴⁷ Этот гимн был написан в годы Гражданской войны, и его всюду распевали северяне.

– Круто, – скривился я. – Уже не терпится.

Ти Джей воткнул штык в забрало средневековому рыцарю.

– Давайте возьмём ту высоту! – Ти Джей указывал в сторону ближайшего холма на опушке леса.

– Зачем?

– Это же высота!

– Ему бы только высоты брать, – проворчала Мэллори. – Это такая тема у них в Гражданской войне.

Мы двинулись к холму сквозь гущу боя. Нога у меня всё ещё болела, но кровь остановилась. Это что, так и должно быть?

Ти Джей вскинул винтовку и возопил:

– Вперёд!

И вот тут-то его со спины и настиг дротик.

– Ти Джей! – заорал я.

Он поймал мой взгляд, выдавил слабую улыбку и впечатался лицом в грязь.

– Бальдрова мать! – выругалась Мэллори. – Пошли, новенький.

Она схватила меня за руку и поволокла дальше. Дротики так и порхали у меня над головой.

– И у вас такое каждый день? – осведомился я.

– Нет. Сказано же тебе: по четвергам – драконы.

– Но...

– Слушай, Боб Печёный⁴⁸, это всё вопрос привычки. Думаешь, это и есть трэш? погоди, вот начнётся Рагнарёк, тогда и поговорим.

– Почему это я Боб Печёный? Ти Джей тоже из Бостона. Почему он не Боб Печёный?

– Потому что Ти Джей не так достаёт, как ты.

Мы добрались до опушки. Икс и Хафборн прикрывали с тыла, притормаживая преследующие нас орды. А это правда были орды. Все разрозненные группки бросили тузить друг друга и всем скопом накинлись на нас. Кое-кто показывал на меня. А некоторые выкрикивали моё имя, причём как-то не по-доброму.

– Они тебя засекли, – вздохнула Мэллори. – Слушай, я, конечно, не прочь взглянуть, как тебя потрошат, но лучше бы издалека. Ну да что уж теперь.

Я чуть не спросил: а чего я-то им сдался? Но не стал: и так ясно. Я новенький. Естественно, эйнхерии всей оравой набросятся на меня и других новичков. Вполне возможно, Ларс Альстрём уже лежит где-то обезглавленный. Деде уже носится, размахивая обрубками рук. Эйнхерии-ветераны сделают всё, чтобы нам было побольнее и пострашнее, а сами полюбуются, как мы сдюжим. И я разозлился.

Мы взбирались по склону холма, петляя в поисках укрытия от дерева к дереву. Хафборн ринулся в одиночку на пару десятков парней, преследовавших нас, и уложил их всех. Когда он со смехом разогнулся, в его глазах плясали искры безумия. И кровь у Хафборна шла примерно из десятка ран. А в груди у него, прямо над сердцем, торчал кинжал.

– Как он до сих пор не умер? – спросил я.

– Он берсерк. – Мэллори смотрела назад, на Хафборна, и в её взгляде мешались безразличность, раздражение и что-то ещё... восхищение? – Этот идиот будет драться, пока его в буквальном смысле слова не порубят на куски.

Мэллори нравится Хафборн, кликнуло у меня в голове. Если вы обзываете кого-то идиотом через каждые полслова – значит, вы на него запали. При других обстоятельствах я бы над

⁴⁸ Боб Печёный (Beantown, буквально «Бобовый Город») – одно из прозвищ бостонцев. Уж очень они любят это блюдо.

Мэллори поприкалывался. Но пока она восхищённо пялилась на Хафборна, раздалось звучное влажное «чпок!» – и оказалось, что из горла Мэллори торчит стрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.